

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Киреев

К вопросу о старокатолицизме

Опубликовано:

Христианское чтение. 1899. № 7. С. 97-136.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Къ вопросу о старокатолицизмѣ.

Мой послѣдній отвѣтъ профессору А. Θ. Гусеву по этому вопросу.

ЗАКАНЧИВАЯ свое предпослѣднее письмо ко мнѣ, почтенный профессоръ А. Θ. Гусевъ выразился такъ: «Мы считаемъ нашъ печатный диспутъ съ А. А. Кирѣевымъ *поконченнымъ* въ безусловно - благопріятномъ для истины смыслѣ». Я на это отвѣтилъ (второе письмо г. Гусеву): «Хорошо! Позволю себѣ прибавить лишь слѣдующее: въ теченіи нашей полемики мнѣ не разъ приходилось пользоваться аргументами моего противника и повторять его слова; тоже самое мнѣ хотѣлось бы сдѣлать и теперь. Вѣдь и мнѣ кажется, что я аргументировалъ согласно съ истиной, въ благопріятномъ для нея смыслѣ. Мой почтенный оппонентъ самоувѣреннѣе. Онъ подвелъ итогъ своимъ аргументамъ и постановилъ окончательный приговоръ. Я не столько увѣренъ въ успѣшности своей аргументаціи, и предоставляю право дѣлать окончательные выводы — нашимъ читателямъ! Категорическое заявленіе моего оппонента и мой отвѣтъ давали мнѣ поводъ думать, что наша полемика дѣйствительно тогда же и окончилась. Однако г. Гусевъ снова выпускаетъ (все о тѣхъ же вопросахъ) новую объемистую брошюру (171 страница), озаглавленную: «Отвѣтъ старокатолическому профессору Мишо», въ которой, хотя, объявляетъ (стр. 1), что отказывается отъ полемики со мною *сколько бы я ни печаталъ противъ него статей*, однако «въ виду моей солидарности съ г. Мишо (?)» не обходитъ молчаніемъ и моихъ аргументовъ, такъ что и мнѣ снова приходится отвѣчать, но уже дѣйствительно въ послѣдній разъ. Г-ну Гусеву повидимому

непріятно и даже, судя по его тону, очень непріятно, что г-нъ Мишо отозвался хвалебно о моихъ аргументахъ: онъ упоминаетъ объ этомъ не разъ; онъ даже старается доказать, что отвѣтъ мой былъ на предварительномъ разсмотрѣніи у г-на Мишо. Онъ останавливается на слѣдующемъ, какъ ему кажется, «*знаменательномъ и краснорѣчивомъ фактѣ*». Въ чемъ-же состоитъ этотъ знаменательный фактъ? Что обнаружилось? Какая — тайная махинація? Оказывается, что, по наведеннымъ точнымъ справкамъ, рецензія г-на Мишо, въ «*Revue Internationale de théologie*», о моемъ отвѣтѣ г-ну Гусеву появилась ранѣе напечатанія самаго отвѣта въ запоздавшемъ «*Богословскомъ Вѣстникѣ*», дошедшемъ до г. Гусева лишь 8 февраля. Таковъ знаменательный фактъ открытый почтеннымъ моимъ оппонентомъ! Но вѣдь тутъ нѣчего было и открывать, г. Мишо прямо говоритъ объ *écriteures qu'on* (т. е. я) *a bien voulu nous transmettre*. Я дѣйствительно послалъ ему перечень моихъ положеній, какъ только я ихъ написалъ; но такъ какъ эти положенія опирались на довольно извѣстныхъ историческихъ фактахъ и таковыхъ же текстахъ, лишь *ab hoc* сгруппированныхъ и освѣщенныхъ, то г-ну Мишо и не пришлось ихъ ни исправлять, ни измѣнять. Профессору Гусеву все это кажется важнымъ. Не знаю; мнѣ кажется, что вѣдь дѣло не въ томъ, *откуда взять* тотъ или другой аргументъ, а въ томъ, годенъ ли онъ самъ по себѣ, силенъ ли онъ? Но допустимъ, что г. Мишо и занимался цензурованіемъ моего отвѣта: что же изъ этого? Поучиться кое чему у другого никогда не стыдно, а часто и не бесполезно. Напомню, что Александръ Гумбольдтъ, великій Александръ Гумбольдтъ, достигши всемірной славы, уже старикомъ ходилъ на лекціи къ молодымъ берлинскимъ профессорамъ, чтобы не отстать отъ науки, *чтобы поучиться!* Ну, а если великимъ людямъ не зазорно посовѣтоваться съ знающимъ человѣкомъ, то казалось бы простымъ смертнымъ въ родѣ г. Гусева или тѣмъ болѣе меня (у меня даже и ученой степени не оказывается) это не только дозволительно, но и похвалы достойно.

Я сказалъ, что отвѣчаю г-ну Гусеву въ *последній* разъ. Къ этому меня побуждаютъ двѣ причины: во-первыхъ, мы кажется выставили съ обѣихъ сторонъ всѣ главнѣйшіе наши аргументы; наши точки зрѣнія, наши Standpunct'ы вполне выяснились, а во вторыхъ есть и еще одна причина. Нашъ споръ не равенъ: мой почтенный оппонентъ имѣетъ передо

мною несомнѣнное преимущество: у него есть такое средство полемики, котораго я лишень — это «*критикія слова*». Конечно, это не настоящіе аргументы, но они вполне достаточны для того, чтобы заставить замолчать извѣстнаго рода оппонентовъ, къ числу коихъ принадлежу и я. Еще въ предпослѣднемъ своемъ письмѣ г. Гусевъ употреблялъ такія выраженія какъ «вздумавшій», «вообразившій», «опрометчиво указываетъ», «повидимому совершенно не знаетъ даже того» etc...., которыя мнѣ, по крайней мѣрѣ, очень затрудняютъ полемику; но въ послѣднемъ отвѣтѣ г. Гусева встрѣчаются такія выраженія, какъ «изумительное виланіе», говорится, что я «допускаю фальшь» и даже стр. 143: «*къ чему эта ложь?*» Конечно, я самъ виноватъ въ томъ, что вступилъ въ споръ нѣсколько неосмотрительно, «сунулъ въ воду — не спросясь броду», не осмотрѣлъ — брода; не могу я, стало быть, и обижаться на г-на Гусева; его полемическіе приемы конечно соотвѣтствуютъ психическимъ условіямъ его натуры; «*le Style — c'est l'homme*»; но мнѣ, у котораго тоже есть свои привычки и приемы, никакъ нельзя стать на такую «либеральную» точку зрѣнія, такъ что мнѣ и приходится отказаться отъ дальнѣйшей полемики съ почтеннымъ ученымъ докторомъ богословія.

Обращаюсь къ научной сторонѣ брошюры, а не къ ея стилистическимъ особенностямъ. Буду краткимъ; замѣчу однако, что брошюра эта заключаетъ болѣе ста семидесяти страницъ.

Пр. Гусевъ говоритъ, что онъ долго ждалъ, не появится ли какого-либо обстоятельнаго отвѣта на его статьи; онъ полагалъ, что среди старо-католиковъ найдутся же лица способныя и считающія себя обязанными отнестись иначе, нежели г. Кирѣевъ, къ этому важному дѣлу; но такъ какъ, вотъ никого не оказалось, пр. Гусевъ и выступилъ съ своей брошюрой, въ которой отдается не малое мѣсто и моимъ аргументамъ. Что среди старо-католическихъ ученыхъ найдутся такіе, которые «способны» помѣриться силами съ г. Гусевымъ — это едва ли подлежитъ сомнѣнію; что всѣ они относятся *серьезно* къ столь важному дѣлу какъ вопросъ объ условіяхъ воссоединенія церковей — это уже несомнѣнно; ну, а сочтутъ ли они важнымъ дѣломъ принятіе предлагаемой имъ полемики — это вопросъ, за разрѣшеніе котораго я не берусь! Во-первыхъ, нужно бы, чтобы кто-нибудь взялся за переводъ брошюры пр. Гусева по-нѣмецки или по-французски (а въ ней 171 страница), во-вторыхъ, для читателей «*Revue Int. d. Théologie*»,

аргументы пр. Гусева не новы, а въ третьихъ, наконецъ, полемика по вопросу о Filioque, потеряла если не всю, то значительнѣйшую часть своего интереса послѣ появленія статьи «Русскаго Богослова» «Thesen über das Filioque» (въ 24 № «Revue»), которая, мнѣ кажется, вполне исчерпываетъ спорный вопросъ. О транссубстанціаціи же, я полагаю, много говорить едва ли необходимо!

На стр. 32 пр. Гусевъ, намѣреваясь, если не ошибаюсь, поиронизировать на мой счетъ, говорить: «желая разсѣять туманъ, щедро г. Кирѣевымъ распускаемый ради высокихъ моихъ цѣлей»... и т. д. *Да. Цѣли у меня высокія!* Да и какія могутъ у меня быть цѣли, кромѣ самыхъ высокихъ, разъ дѣло идетъ о такомъ важномъ дѣлѣ, какъ разработка условій воссоединенія съ нами западной церкви! Насколько мои усилія способны подвинуть дѣло, приблизить насъ къ цѣли — это другой вопросъ; но конечно и несомнѣнно, кромѣ самыхъ идеальныхъ цѣлей, никакихъ другихъ у меня нѣтъ. И говорить я, къ счастью, могу свободно, какъ думаю и вѣрю. Я не завишу ни отъ какого вѣдомства или начальства, непосредственно заинтересованнаго въ этомъ дѣлѣ; мнѣ не нужно заботиться о томъ, понравятся или не понравятся мои писанія, кому бы то ни было; мнѣ не приходится жалѣть о томъ, что, чего добраго, я пересолилъ въ своемъ «усердіи», или, что, пожалуй, я заговорилъ не въ «унисонъ» съ властью имѣющими... Да. Цѣли мои высоки; служу я имъ по мѣрѣ силъ; и я радъ, что въ столь великомъ и святомъ дѣлѣ, мнѣ дано — *parvam, etsi minimam partem, attamen partem esse!*

Въ чемъ состоитъ сущность моего спора съ почтеннымъ моимъ оппонентомъ? Въ томъ, что онъ хочетъ внести въ древнее догматическое ученіе, установленное вселенскою семи-соборной Церковью, а стало быть и безусловно обязательное, извѣстныя дополненія, которыя, какъ ему кажется, логически изъ сего ученія вытекаютъ; а именно: онъ во-1-хъ считаетъ необходимымъ дополнить или пояснить 8-й членъ Символа Вѣры словомъ «единого» (по соображеніямъ пр. Гусева слѣдуетъ учить не «иже отъ Отца исходящаго», а «иже отъ *единого* Отца исходящаго»); во-2-хъ онъ считаетъ необходимымъ придать *слову* «пресуществленіе» и *нѣкоторымъ отгнѣнкамъ самой мысли*, имъ выражаемой, догматическое значеніе. Спѣшу оговориться: конечно, пр. Гусевъ знаетъ,

что всякое текстуальное измѣненіе Символа вѣры запрещено; онъ и не предлагаетъ повторить латинскую ошибку (вставку «Filioque») и читать 8-й членъ символа: «иже отъ *единого* Отца исходящаго»; но въ сущности выходитъ на одно, такъ какъ почтенный профессоръ считаетъ ученіе, соответствующее симъ словамъ, обязательнымъ для каждаго православнаго; вѣдь существуютъ догматы и помимо тѣхъ, которые выражаются символомъ, установленнымъ на первыхъ двухъ Вселенскихъ соборахъ, а именно тѣ три, которые установлены на 4-мъ, 6-мъ и 7-мъ. Вотъ такимъ же *догматомъ* г. Гусевъ желалъ бы установить, въ противовѣсъ ученію Filioque, и ученіе «a Patre solo» — «иже отъ *единого* Отца исходящаго».

Латиняне, считая символъ вѣры недостаточно полнымъ, ввели въ него слово Filioque (чѣмъ конечно исказили догматъ); такимъ дѣйствіемъ, какъ справедливо замѣчаетъ Хомяковъ, они нарушили законъ любви къ братскимъ церквамъ востока, возмнивъ себя стоящими выше всей церкви. Старо-католики, признали сей грѣхъ западной церкви, вычеркнули незаконную прибавку къ 8-му члену символа, и возстановили его первоначальную чистоту; такъ они теперь и учатъ въ своихъ катихизисахъ, такъ говорятъ и въ своей литургіи. Чего-же еще? Казалось бы теперь все въ порядкѣ? Нѣтъ съ этимъ не согласенъ пр. Гусевъ. Онъ повторяетъ ошибку Рима, онъ считаетъ выраженіе «иже отъ Отца исходящаго» не полнымъ, недостаточнымъ, онъ дополняетъ его словомъ *одного* (Иже отъ *Одного* Отца исходящаго). Повторяю, онъ не требуетъ вставки самаго этого слова, но все же онъ дѣлаетъ его выраженіемъ догматическаго, обязательнаго ученія ¹⁾, неисповѣданіе коего влечетъ за собою «анаѰму». Конечно право отлученія, право анаѰемы несомнѣнно принадлежитъ Церкви; должна же она имѣть право самозащиты, право сказать: «твое ученіе не согласно съ

¹⁾ Не знаю думаетъ ли онъ, что такая вставка когда-нибудь состоится; можетъ быть. Напомню то, что пр. Гусевъ говоритъ о возможности измѣненій формулъ, принятыхъ православною церковью. По вопросу о транссубстанціаціи я указывалъ пр. Гусеву на то, что этого слова (Пресуществленіе) нѣтъ въ формулѣ принятія въ лоно нашей церкви — лютеранъ. На это мой оппонентъ нѣсколько строго мнѣ отвѣтилъ, „что же, это ничего не говоритъ, исключая того, что это неупоминаніе должно (!) наконецъ перейти въ упоминаніе“. Можетъ быть онъ думаетъ, что и относительно 8-го члена символа, церковь наша отъ неупоминанія слова „*единого*“ перейдетъ наконецъ въ упоминаніе. Вѣдь объ этомъ можно *списаться* съ другими церковными правительствами.

истиной, съ моимъ ученіемъ» и если ты меня «преслушаешь» — ты будешь для меня «какъ язычникъ и мытарь». Несомнѣнно; но не слѣдуетъ, мнѣ кажется, злоупотреблять симъ страшнымъ правомъ, не слѣдуетъ прибѣгать безъ крайней необходимости къ небеснымъ громамъ. Едва ли полезно увеличивать безъ очевидной, безъ крайней необходимости число тѣхъ истинъ, самостоятельное, свободное отношеніе къ коимъ не дозволено. Мнѣ кажется, что и съ чисто богословской точки зрѣнія свобода богословскихъ мнѣній можетъ лишь послужить къ успѣхамъ науки, нисколько не колебля вѣры; послужить къ уясненію и самыхъ догматовъ неизмѣнныхъ и несокрушимыхъ, но окруженныхъ свободными, хотя и подчиненными ему мнѣніями. Было время когда анаеematствованіями чуть не играли; какъ чуть споръ — сейчасъ и анаеема! Часто даже, подъ давленіемъ мірской власти, анаеемѣ предавались люди совершенно православные, по совершившіе политическія преступленія; я еще слышалъ, какъ предавали анаеемѣ гетмана Ивана Мазепу, и это вносило не мало смутнаго ужаса въ мою дѣтскую душу. Теперь конечно относятся съ меньшей жестокостію къ иначе мыслящимъ; теперь не такъ легко, какъ бывало прежде, перевести чужое мнѣніе въ ересь; разумію — когда оно само не является съ нахальнымъ требованіемъ, чтобы его признавали догматомъ; какъ именно и было съ «Filioque», явившимся къ намъ во всеоружіи *догмата*, за что мы и предали его должному порицанію и осужденію.

Вопросъ о Filioque ставится, мнѣ кажется, такъ:

Догматъ о немъ выражается словами несомнѣнно ясными, точными и неопровержимыми — «Иже отъ Отца исходящаго», это повтореніе словъ самого Спасителя. Они выражаютъ все, чему мы въ данномъ вопросѣ обязаны вѣрить; слова эти вполне достаточны.

Ученіе многихъ отцевъ церкви (въ этомъ отношеніи весьма единомысленныхъ) состояло въ поясненіи, что Духъ Святой *посылается* твари — Сыномъ, что право, сила этого посланія составляетъ вѣчный и органическій атрибутъ и исконое свойство Сына. Наконецъ:

Частныя мнѣнія: «Иже отъ Отца и Сына исходящаго» (Filioque), и «Иже отъ *одного* Отца исходящаго» (a Patre Solo) суть попытки частныхъ умовъ объяснить необъяснимое, попытки по крайней мѣрѣ приблизиться къ пониманію соотношенія лицъ Св. Троицы. Всѣ такія мнѣнія личныя,

частныя, не претендующія на догматическое значеніе, на непогрѣшимость — допустимы, настолько конечно, насколько они не колеблѣютъ догмата, насколько остаются въ предѣлахъ Никео - Цареградскаго символа и не осуждены компетентной церковной властію, т. е. Вселенскимъ соборомъ.

Какъ относятся къ этому дѣлу старо-католики? Чего они ищутъ?

Я не буду входить въ разсмотрѣніе ни всѣмъ болѣе или менѣе извѣстной исторіи возникновенія ученія о Filioque, его незаконнаго, антиканоническаго внесенія въ Символь, ни — несомнѣнно еретическаго возведенія его въ догматъ. Все это извѣстно; извѣстно и то, что у нѣкоторыхъ отцовъ церкви встрѣчаются выраженія, дающія поводъ думать, что, непоколебимо придерживаясь догмата, — «*источникъ бытія — единъ*», — отцы эти въ своихъ богословскихъ «мудрствованіяхъ» допускали однако и нѣкоторую генетическую связь, нѣкоторое генетическое отношеніе между Сыномъ и Духомъ, что и породило ученіе о Filioque; ученіе, которое, какъ замѣчаетъ пр. Лангенъ, было лишь неудачнымъ выраженіемъ для «*per filium*». Я не стану приводить многочисленныхъ, относящихся сюда текстовъ, они тоже болѣе или менѣе извѣстны и найти ихъ не трудно въ любомъ сочиненіи о Filioque, начиная съ Церникавія, къ сожалѣнію сдѣлавшагося библиографическою рѣдкостью, и до новѣйшихъ. Вотъ, нѣкоторые старо-католики и желаютъ имѣть право мыслить объ отношеніяхъ Сына и Духа такъ же, какъ мыслили нѣкоторые отцы церкви. Мнѣнія этихъ отцевъ церкви весьма разнообразны; къ числу ихъ причисляются и мнѣнія богослововъ, какъ напр. патріарха Фотія, на котораго ссылаются старо-католики (см. отвѣтъ Роттердамской комиссіи). Мы тутъ встрѣчаемъ стало быть не одно какое-либо кристаллизованное, опредѣленное мнѣніе, а нѣчто очень разнообразное и неопредѣленное; это соображеніе крайне важное. Конечно, и въ этихъ рамкахъ можно не допускать Filioque, но, считая старо-католиковъ и неправыми, слѣдуетъ однако рѣшить, настолько ли они неправы, чтобы справедливо подвергаться обвиненію въ еретичности? Вотъ сущность вопроса, на которомъ я позволю себѣ остановиться. Повторяю, дѣло идетъ не о догматѣ, признаваемомъ старо-католиками безусловно, а лишь о Filioque въ томъ самомъ объемѣ, въ тѣхъ самыхъ разнообразныхъ и необязательныхъ формахъ, которыя мы встрѣчаемъ у отцевъ церкви. Русскій

богословъ, разбирая это дѣло, говорить (стр. 708, Revue за 1898 годъ: Тезисъ 7-й): «Посему (Demzufolge) въ строгомъ смыслѣ термина ἐκπορευτῶς (по исхожденію, процессионально) Св. Духъ исходитъ отъ единого Отца (ἐκ μόνου τοῦ Πατρὸς), но это (dieser Satz, этотъ пунктъ) не есть догматъ, а лишь теологуменонъ. Ибо (см. стр. 764) во-1-хъ догматъ установленный на 1 и 2 Вселенскихъ соборахъ объ исхожденіи Св. Духа не можетъ подлежать ни измѣненію, ни дополненію, ни поясненіямъ (черезъ Сына), ни ограниченіямъ (отъ *единого* Отца), а во-2-хъ потому, что выраженію ἐκ μόνου... не только недостаетъ авторитета санкции (die Sanktion) Вселенскаго собора, но ему недостаетъ и той степени (Grad) авторитетности, которая приличествуетъ (zukommt) выраженію, которое было бы употребляемо отцами». Окончаніе параграфа тоже важно. Русскій Богословъ говорить: «Фотію стоило бы великаго труда оправдать (zu rechtfertigen) ἐκ μόνου τοῦ Πατρὸς цитатами изъ твореній Св. Отцевъ». Фраза эта переведена (стр. 57) у проф. Гусева не совсѣмъ точнѣ. Гипотетическій ея характеръ превращенъ въ утвердительный, а именно:... Фотій не безъ большаго труда могъ оправдывать слова «отъ одного Отца» прямыми цитатами. Я долженъ сказать, что цитаты проф. Гусева не всегда отличаются безусловной точностію. Разбирая (стр. 16) причины, почему старо-католики отстаиваютъ Filioque, проф. Гусевъ замѣчаетъ: «даже г. епископъ Веберъ проговорился» (такой человекъ еп. Веберъ, чтобы «проговориться»!), что признаніе доли истины въ папскомъ догматѣ «Filioque» старо-католикамъ «нужно для цѣлей богословской спекуляціи», и затѣмъ ссылка на стр. 542 Revue. По повѣркѣ однако оказывается нѣчто неожиданное, именно, что въ означенномъ мѣстѣ говорится *не то* и *не тѣмъ*. Я врагъ всякихъ придирокъ и не буду останавливаться на этомъ очевидномъ недосмотрѣ: недосмотръ—дѣло не важное, но я не могу не указать на существенную разницу между тѣмъ, что говорится на стр. 542 и тѣмъ, что прочиталъ тамъ проф. Гусевъ. Во-первыхъ говорить не еп. Веберъ, а говорить Редакція Revue, дѣлающая разборъ сочиненія г-на Керенскаго о «старо-католическомъ вопросѣ въ новѣйшее время» (можетъ быть я передаю не точно заглавіе — я перевожу съ нѣмецкаго: Die altcatholische Frage in der neusten Zeit, появилось въ «Прав. Собесѣдникѣ» янв.—мартъ 1897]. Во-вторыхъ, въ этомъ разборѣ анонимнаго рецензента (т. е. Редакціи) гово-

рится, что проф. Керенскій, приводя (совершенно вѣрно) мнѣніе старокатоликовъ, что въ общепринятой формулѣ «Духъ Святой исходитъ отъ Отца черезъ Сына» они видятъ основаніе считать Сына какъ бы Сопричиной или второстепенной (Sekundaere) причиной Св. Духа, и видятъ въ этомъ поводъ требовать, чтобы это ученіе было предоставлено свободному мудрствованію (*diese Lehre fur die theologische spekulation frei zu lassen*). Оттѣнокъ мысли очень чувствительный. Вообще можно думать, что проф. Гусевъ почерпаетъ свои данныя не всегда изъ первыхъ рукъ; такъ напр. онъ говоритъ (стр. 25) о спорѣ между «Бирбекомъ и римско-католическимъ епископомъ Бишопомъ». Такого епископа *въ Англии* нѣтъ. Путаница вышла вѣроятно изъ того, что по-англійски епископъ — Bishop (Бишопъ), или что-нибудь въ этомъ родѣ, очевидно не точно сообщенное. Имя извѣстнаго нашего сторонника и знатока русской церкви не Бирбекъ, а Биркбекъ. Его вездѣ проф. Гусевъ называетъ ошибочно, тоже вѣроятно потому, что ему имя это неправильно передали. Впрочемъ это не особенно важно: — «къ слову» пришлось. Синодальная коммиссія, разбирая это ученіе весьма основательно замѣчаетъ, что мнѣніе о Сынѣ какъ о нѣкоей *вторичной* причинѣ или сопричинѣ должно быть избѣгаемо, что, не уясняя догмата, оно до извѣстной степени замѣшиваетъ Сыновство съ Отчествомъ. На это старо-католики отвѣчаютъ, что они безусловно признаютъ *догматъ*, что «Духъ Святой исходитъ отъ Отца». Причемъ объясняютъ, что они отнюдь не признаютъ какихъ-либо *двухъ* началъ Божества (Deitatis), что они желаютъ лишь имѣть право повторять то, что объ этомъ говорили нѣкоторые Отцы Церкви, размышлявшіе объ отношеніяхъ лицъ Св. Троицы. Въ томъ же своемъ отвѣтѣ нашей синодальной коммиссіи старо-католики указываютъ на авторитетное мнѣніе «Русскаго Богослова», помѣстившаго свои «Thesen ueber das Filioque» въ № 24 *Revue Internationale de Théologie*, который считаетъ, что причиною отдѣленія Запада отъ Востока было не Filioque, а папа, съ его притязаніями, и что само по себѣ оно (Filioque) не должно почитаться раздѣляющимъ препятствіемъ (*impedimentum di-gimens*) для воссоединенія церквей¹⁾. Г-нъ Гусевъ говоритъ,

¹⁾ Очень жаль, что „разсужденіе“ Русскаго богослова появилось въ столь мало-доступномъ для нашей публики изданіи. Будь оно переведено на русскій языкъ.—много бы сохранено было бумаги и чернилъ, даромъ потраченныхъ. Его бы непременно слѣдовало перевести.

что первоначально споръ о Filioque не былъ такъ обостренъ; это *несомнѣнно*, но почему онъ обострился!?!—именно потому, что латиняне сдѣлали изъ Filioque *догматъ*. Но вѣдь старокатолики и отымають у этого вопроса всю его остроту, «отламываютъ у него острее», какъ говорятъ нѣмцы (die Spitze abbrechen), именно тѣмъ, что изъ области догматовъ переводятъ Filioque въ область мнѣній; стало быть даютъ этому дѣлу совершенно другой характеръ, т. е. дѣлають его извинительнымъ¹⁾. Во времена патр. Фотія обостреніе уже существовало, и по временамъ — сильное (анаеоематствованіе), но какъ замѣчаетъ «Ein russischer Theologe», Фотію было бы очень трудно найти въ отцахъ церкви подтвержденіе для ученія «a Patre Solo»; А fortiori, думается мнѣ, если такой opus probandi былъ не подъ силу великому Фотію, то едва ли съ нимъ справится мой почтенный оппонентъ. Позволительно думать, что въ этомъ запутанномъ вопросѣ опытное и авторитетное перо «Русскаго богослова» могло бы служить проф. Гусеву спасительнымъ указателемъ и руководителемъ. Дѣйствительно проф. Гусеву, для установленія *догмата* объ исхожденіи Св. Духа отъ одного Отца, приходится прибѣгать къ болѣе или менѣе удачнымъ логическимъ выводамъ изъ твореній отцевъ церкви; но вѣдь извѣстно, что такимъ путемъ догматы не устанавливаются; путь логическихъ умозаключеній конечно очень хорошъ для опроверженія какого-либо ложнаго еретическаго ученія, но отнюдь не для того, чтобы установить (или какъ принято выражаться—*выяснить*) догматъ; тутъ даже и полное согла-

---

¹⁾ Вотъ хронологическія данныя: соборъ въ Ахенѣ принимаетъ Filioque (809); Левъ III хотя и сторонникъ этого ученія, какъ богословскаго *мнѣнія*, отвергаетъ его какъ догматъ (запрещаетъ его внесеніе въ символъ). Но вскорѣ Filioque дѣлается на западѣ догматомъ, вводится въ символъ. Въ 867 г. Фотій энергически на это возстаетъ, предаетъ папу Николая анаеоемъ (весьма основательно, ибо папа призналъ Filioque догматомъ). Чего же кажется обостреннѣе? Въ 879 г. Фотій, снова вступившій на престолъ—въ дружбѣ съ папой (Іоанномъ), общеніе въ таинствахъ (Intercommunio) восстановлено вполнѣ. Затѣмъ опять ссоры (и анаеоематствованія) и опять общеніе. Затѣмъ въ 1054 г. продолжительный разрывъ съ обоюдными анаеоематствованіями (легаты папскіе возлагають отлучительныя грамоты на алтарь св. Софіи). Затѣмъ съ 1274 (Лионскій соборъ) до 1282 г. снова общеніе въ таинствахъ и даже унія и все это при *несомнѣнномъ* на западѣ признаніи Filioque не мнѣніемъ только, а именно догматомъ.

сіе отцевъ, не подтвержденное Св. Писаніемъ или постановленіемъ вселенскаго собора, недостаточно.

Логика, ссылки на отцевъ церкви, выводы изъ ихъ твореній достаточны для того, чтобы строить на нихъ мнѣнія, но — не болѣе: догматы логически не выводятся. Область частныхъ богословскихъ мнѣній очень обширна, равно какъ и теологуменовъ, — на это именно указываетъ «Русскій богословъ». Содержаніе догмата, говоритъ онъ, есть истинное (*das Wahre*); содержаніе теологумена т. е. богословскаго мнѣнія какого-либо отца, учителя вселенской церкви, — правдоподобное, вѣроятное (*das Wahrscheinliche*). Область догмата — *Necessaria*, область теологумена — «Сомнительныя» (допускающія свободу сомнѣнія), «*Dubia*». *In necessariis unitas, in dubiis libertas*.

«Никто изъ понимающихъ дѣло (*kein sachverständiger*), продолжаетъ Русск. Богословъ не имѣть права запретить мнѣ придерживаться теологумена, какъ моего частнаго, личнаго, мнѣнія (*Privat-Meinung*), если этотъ теологуменонъ высказанъ хотя бы однимъ отцемъ церкви, — само собою разумѣется — если не будетъ доказано, что подлежащее (компетентное, *kompetente*) церковное сужденіе объявило его взглядомъ ошибочнымъ (*als eine irrthümliche*), т. е. заблужденіемъ». Проф. Гусевъ, переводя эту фразу, снова впадаетъ въ значительную стилистическую ошибку; переводитъ онъ такъ:... (Русскій) богословъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что позволительно держаться высказаннаго какимъ-либо отцемъ церкви частнаго мнѣнія *только въ случаѣ согласія послѣдняго съ догматомъ*. Мы видимъ что отрицательная форма оригинала (*несогласіе съ догматомъ, констатированное церковью*) передана у проф. Гусева въ положительной формѣ — *согласія съ нимъ*. Это далеко не одно и тоже. *Opus probandi* въ послѣднемъ случаѣ несравненно тяжелѣе. Такимъ образомъ область богословскихъ мнѣній крайне стѣсняется. Несоотвѣтствіе или вѣрнѣе противорѣчіе между такимъ теологуменомъ и догматомъ, говоритъ «Русск. богословъ», должно быть засвидѣтельствовано съ компетентной стороны, осуждено церковью (не кѣмъ-либо инымъ); а именно этого-то, какъ онъ говоритъ въ своихъ *Thesen* № 23 и 25, и не было сдѣлано относительно *Filioque*. Мы видѣли напротивъ, что общеніе въ таинствахъ существовало даже и тогда, когда *Filioque* изъ скромнаго богословскаго мнѣнія превратилось въ дерзновенный догматъ. На этомъ-то основаніи и не можетъ

Filioque (особенно въ его скромномъ неопредѣленномъ и притомъ не въ утвердительномъ, а лишь въ гипотетическомъ, эвентуальномъ смыслѣ) служить разобщающимъ препятствіемъ- (Impedimentum dirimens). Но объ этомъ крайне важномъ выводѣ, дѣлаемомъ Русск. Богословомъ, проф. Гусевъ не счелъ нужнымъ упомянуть.

Такъ какъ я имѣю честь полемизировать съ проф. Гусевымъ въ послѣдній разъ, то считаю дозволеннымъ коснуться личнаго вопроса, которому у моего оппонента отведено едва ли не слишкомъ много мѣста.

Проф. Гусевъ говоритъ (стр. 34), что, полемизируя со мной по вопросу о свойствѣ или правѣ Сына посылать въ міръ Св. Духа, онъ меня повидимому «вразумилъ», что это «право» получено Сыномъ за Его *искупительный* подвигъ и что это есть ученіе Св. Писанія и церковнаго преданія, такъ что я уже не говорю, *будто бы объ аріанскомъ характерѣ* вышеуказанной мысли. Замѣчу, что проф. Гусевъ вводитъ на себя совершенную напраслину: онъ меня рѣшительно ни въ чемъ не «вразумилъ» ни «повидимому», ни какъ либо иначе; затѣмъ на всей стр. 25, на которую указываетъ г. Гусевъ объ аріанствѣ, нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія (несуществующія цитаты очень затрудняютъ полемику)! На инкриминированной страницѣ я говорю слѣдующее: въ Filioque заключается частичная истина, хотя совсѣмъ не та, которая выражается этой формулой, дающей поводъ предполагать двойственный источникъ *бытія* (для Св. Духа), а это конечно должно быть избѣгаемо; частичная же истина состоитъ въ признаніи за Сыномъ *вѣчною* свойства, *вѣчной* способности, силы... посланія. Я никогда ничего не думалъ и не говорилъ иного. Сынъ представляется мнѣ именно (какъ сказано въ статьѣ eines russischen Theologen) «безусловнымъ условіемъ явленія Св. Духа въ мірѣ». Для меня это свойство вытекаетъ не только изъ свидѣтельствъ отцевъ церкви, но и изъ строго-логически понимаемыхъ атрибутовъ Божества безусловнаго и неизмѣняемаго. Проф. Гусевъ съ нѣкоторою настойчивостію спрашиваетъ: «какое *дѣйствительное* отношеніе г. Кирѣева къ Filioque»? Онъ какъ бы полагаетъ, что я не высказываю всей моей мысли, что я какъ бы лукавлю. Боже мой! Да для чего же мнѣ лукавить? Отъ кого мнѣ прятаться? Такое подозрѣніе совершенно неосновательно; вѣдь я, какъ уже сказано, ни въ какихъ ни официальныхъ,

ни оффиціозныхъ отношеніяхъ къ духовному вѣдомству не состою, отъ меня никто не требуетъ никакихъ апологій оффиціальной истинѣ, и я лишь могу быть благодарнымъ нашимъ цензурамъ (и духовной и свѣтской) за то, что онѣ не «накладываютъ на мои уста печати молчанія», и до нѣкоторой степени ставятъ меня почти въ такія же условія, какъ и оффиціальныхъ своихъ апологетовъ; но, чтобы дать положительный отвѣтъ проф. Гусеву на его настойчивый вопросъ (едва ли впрочемъ могущій интересовать нашихъ читателей), какъ я отношусь къ Filioque? — отвѣчу: именно такъ, какъ къ нему относится «Русскій богословъ», напечатанный свои Thesen въ 24 № Revue.

Перехожу къ вопросу о трансубстанціаціи, къ пресуществленію, составляющему второй пунктъ разногласія между проф. Гусевымъ и мной.

Постараюсь точно установить это разногласіе. Въ этомъ случаѣ я могу говорить какъ бы и отъ имени старо-католиковъ, такъ какъ вполне раздѣляю ихъ мнѣніе, чего не могу сказать о Filioque, которое считаю мнѣніемъ — излишнимъ (хотя и не незаконнымъ). Проф. Гусевъ посвящаетъ обсужденію нашихъ разномыслий многія страницы, хотя въ сущности, съ его стороны споръ вертится лишь около *слова*, которому онъ приписываетъ неподобающее значеніе.

Чего, собственно, можемъ мы требовать отъ старо-католиковъ? Чтобы они вѣровали такъ же, какъ вѣруемъ и мы, т. е., чтобы они принимали и исповѣдывали ученіе православной церкви. Въ чемъ же (въ данномъ вопросѣ) состоитъ это ученіе, и оказывается ли между нами разница? Сравнимъ, что говорятъ объ этомъ нашъ и ихъ катихизисы. Что говорится у авторитетнѣйшаго Филарета? Вотъ что (стр. 56 издан. 1889 г.).

На вопросъ: какое важнѣйшее дѣйствіе въ сей части литургіи (лит. вѣрныхъ)? дается такой отвѣтъ: «произнесеніе словъ, которыя сказалъ Иисусъ Христосъ при установленіи таинства: примите, ядите, сіе есть тѣло Мое, пійте отъ нея вси, сія бо есть кровь Моя новаго завѣта... при чемъ дары прелагаются, или пресуществляются въ истинное тѣло и истинную кровь Господню». Какое находимъ мы къ сему поясненіе? На вопросъ: можемъ ли мы постичь, какимъ образомъ дары претворяются или пресуществляются въ тѣло и кровь? дается отвѣтъ: «нѣтъ, сего нельзя постичь никому кромѣ Бога, но показывается только то, что истинно, дѣй-

ствительно и существенно хлѣбъ и вино бывають самымъ истиннымъ тѣломъ и кровью Господа.

Что находимъ мы въ катихизисѣ старо-католиковъ? На вопросъ какимъ образомъ установилъ Иисусъ Христосъ таинство причащенія? дается такой отвѣтъ:.... «и сказалъ своимъ ученикамъ: примите, ядите всѣ; сіе *есть тѣло Мое...* примите и пейте всѣ — сія *есть кровь Моя...* сіе творите въ Мое воспоминаніе. На вопросъ: что же даетъ намъ Спаситель въ Св. Евхаристіи? — дается отвѣтъ: не простое обыкновенное яство для тѣла, *но Себя Самаю*, какъ яство для души, подъ видами хлѣба и вина (1 Кор. X, 16). Какое находимъ мы къ сему поясненію? Роттердамская старо-католическая комиссія говоритъ, что подъ видами хлѣба и вина, мы въ Св. Причастіи принимаемъ *истинно, дѣйствительно и существенно* тѣло и кровь Господни.

Спрашивается: Въ чемъ же состоитъ разница сихъ ученій? Въ *смыслѣ* — нѣтъ ни малѣйшей; даже и выраженія для поясненій употреблены одни и тѣже (т. е. «истинно», «дѣйствительно» и «существенно» (vere, realiter et substantialiter). Споръ вертится стало быть около слова транссубстанціація, Transsubstantiatio, пресуществленіе, коимъ впрочемъ, какъ говоритъ нашъ катихизисъ, «не объясняется образъ, которымъ хлѣбъ и вино превращаются, ибо сего никто не можетъ постичь, но лишь *показывается*, что хлѣбъ и вино *бываютъ* тѣломъ и кровью». Но вѣдь и старо-католики совершенно увѣрены въ томъ, что хлѣбъ и вино *бываютъ* тѣломъ и кровью, и они подтверждаютъ, что нельзя понять, какъ это дѣлается ¹⁾! Да, говоритъ проф. Гусевъ; все это хорошо, но смысла недостаточно: вы должны принять еще и выраженіе Transsubstantiatio, иначе мы васъ не признаемъ православными. Если вы его не примете, то вы окажетесь еретиками и будете подлежать анаѳемѣ. Конечно этихъ, собственно, выраженій у г-на Гусева не находится,—но разъ онъ признаніе слова «пресуществленіе» считаетъ обязательнымъ для православнаго, разъ онъ переводитъ его изъ числа мнѣній (т. е. изъ разряда *dubia*) въ число догматовъ (въ разрядъ *necessaria*), то непринятіе

¹⁾ Цитата изъ Іоанна Дамаскина (въ нашемъ катихизисѣ) конечно только усиливаетъ убѣжденіе въ томъ, что для человѣческаго ума тщетно и бесполезно углубляться въ такую тайну, какъ „*бываніе*“ хлѣба и вина — тѣломъ и кровью Спасителя.

его конечно должно имѣть послѣдствіемъ анаѳемѹ, какъ непріятіе всякаго иного ученія, признаннаго православною церковью — *догматомъ*. Почти тридцать лѣтъ старо-католики причащаются Св. Таинъ въ полномъ убѣжденіи, что они причащаются *истинно*, на уврачеваніе и спасеніе, на великую пользу души и тѣла, ибо исполняютъ это съ полнѣйшей вѣрой. Нѣтъ, говоритъ имъ проф. Гусевъ, разочаруйтесь: вы всѣ эти тридцать лѣтъ не удостоивались св. причастія; таинства не происходило, ибо вы при этомъ не произносили слова «пресуществленіе» или не имѣли его въ умѣ, а безъ этого таинство совершиться не можетъ! Но, говорятъ старо-католики, вѣдь слово это и у васъ нигдѣ въ литургіи не произносится, стало быть и у васъ Евхаристіи не совершается, стало быть и вы не причащаетесь? Нѣтъ, возражаетъ проф. Гусевъ: правда, слова этого у насъ въ литургіи нѣтъ, и у отцевъ церкви нѣтъ и мы безъ него полторы тысячи слишкомъ лѣтъ обходились, но оно находится у насъ въ катихизисѣ; вотъ — прочтите. На это упрямые старо-католики говорятъ: какъ извѣстно, громадное большинство русскихъ православныхъ подданныхъ не грамотно, еще менѣе грамотны православные на востокѣ; всѣ эти неграмотные, большею частію, если не поголовно, — благочестивые, вѣрующіе люди, ограничивали свои богословскія знанія двумя тремя молитвами, и то до самаго послѣдняго времени едва ли хорошо понимаемыми. Катихизису они не обучались, да по неграмотности его и не читали, ограничивая свои богословскія свѣдѣнія лишь тѣмъ, что они слышатъ въ церкви, гдѣ, какъ извѣстно не упоминается о пресуществленіи. Неужели они, эти милліоны вѣрующихъ людей, ограничивающіеся тѣмъ, что они съ истинной и горячей вѣрой повторяютъ передъ причастіемъ «*Втрую и исповѣдую, яко сіе есть пречистое тѣло Твое*»... не причащаются, что они просто ѣдятъ хлѣбъ съ краснымъ виномъ, разбавленнымъ теплой водой? Едва-ли рѣшится это утверждать проф. Гусевъ! Едва-ли онъ имъ скажетъ, какъ говоритъ онъ старо-католикамъ: мнѣ вашей вѣры не достаточно, и ученіе ваше не истинно потому, что вы не хотите принять слова «пресуществленіе», которымъ только и можетъ быть выражено истинное ученіе; вы, старо-католики, повторяете слова, которыя произносить и коими довольствуется и наша православная церковь, и которыя помѣщены и въ нашихъ катихизисахъ; но въ этомъ же катихизисѣ есть еще четвертое не совсѣмъ понятное слово —

пресуществованіе, безъ котораго произнесеніе и принятіе первыхъ трехъ недѣйствительно! Вы спросите, почему? — а потому, что слова «истинно», «дѣйствительно» и «существенно» не полны, не ясны, могутъ быть перетолкованы, въ то время какъ «трансубстанціація» ясно, просто, до того просто, что и простой мужикъ его понимаетъ, оно не можетъ быть и перетолковано...! Такъ очевидно думаетъ проф. Гусевъ.

Помилуйте, — говорятъ старо-католики, да слово это и выражаемое имъ ученіе породили у насъ, на западѣ, ужасающія суевѣрія, породили матеріализацію таинства, довели дѣло до того, что у насъ появились и разные культы и ученія уже совершенно матеріалистически-кощунственные. Исторія несомнѣнно доказываетъ, что слово это можетъ быть, да и было, истолковано вкривъ и вкось. Подъ влияніемъ ученія о трансубстанціаціи у насъ сначала былъ введенъ культъ всего Тѣла Господня (собственно его матеріальной стороны *corpus Dei*), потомъ начали дѣлать это тѣло, выдѣлили его сердце и стали поклоняться специально этой мышцѣ (*le culte du sacré coeur*), а затѣмъ пошли далѣе (о чемъ не удобно писать); пойдутъ и еще далѣе. Проф. Освальдъ началъ учить, что въ Св. Евхаристіи мы причащаемся не только тѣла и крови Спасителя, но и тѣла пресвятой Богородицы (и съ матеріалистической точки зрѣнія Освальдъ правъ). Это ли не суевѣріе? Чего же еще ожидать ¹⁾? На это конечно проф. Гусевъ можетъ отвѣтить: до этого могли дойти у васъ, тамъ на Западѣ, а у насъ на Востокѣ этого не будетъ! Да; но почему не будетъ? Именно потому, что есть ученые и на Востокѣ, которые учатъ не такъ, какъ Вы, уважаемый профессоръ, которые не придаютъ преувеличеннаго значенія словамъ, схоластическимъ терминамъ (ни чуть, впрочемъ, не впадая при этомъ въ пустой и бессодержательный символизмъ кальвинистовъ). Можно-ли теперь бояться кальвинизма (да и вообще протестантизма), какъ религіознаго ученія! Вѣдь если у насъ существуютъ и усиливаются разныя протестантствующія секты, редстокисты, толстовцы, штундисты и т. п., то вѣдь это происходитъ отъ многочисленныхъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ собственнымъ богословіемъ; отъ причинъ, замѣчу, которыя, конечно, не будутъ устранены усиленіемъ препода-

¹⁾ Обо всемъ этомъ изложено подробнѣе въ моемъ 2-мъ письмѣ г. Гусеву.

ванія трассубстанціаціи; наоборотъ, оно поведеть съ одной стороны къ созданію суевѣрнаго теченія въ нашей религіозной мысли, на подобіе латинскаго, а съ другой — къ усиленію именно сектъ отрицательнаго направленія; въ высшихъ же, въ болѣе культурныхъ слояхъ нашего общества — къ усиленію невѣрія! Нѣтъ, не проповѣдью о томъ, что мы въ св. причастіи жуемъ зубами мускулы Христа и ломаемъ Его кости ¹⁾), усилимъ мы нашу вѣру! Не такими смущающими ученіями, отъ которыхъ становится жутко на душѣ, усилимъ мы нашу религіозность, а напротивъ возвращеніемъ къ чистой простой вѣрѣ, не мудрствующей лукаво о субстанціяхъ, оказывающихся безъ акциденцій, и акциденціяхъ, оказывающихся безъ субстанцій. Вѣдь въ этомъ и состоитъ разсматриваемая, съ философской точки зрѣнія, трансубстанціаціа; она именно состоитъ въ томъ, что субстанціа хлѣба и вина пропадаетъ, оставляя свои акциденціи въ наслѣдство тѣлу Спасителя, а субстанціа Его тѣла, принявъ акциденціи хлѣба — теряетъ свои, тѣ, которыя были первоначально Ему присущи (до пресуществленія). Конечно, все это дозволительно принимать, всему этому конечно *можно вѣрить*, но можно-ли *требовать*, чтобы и другіе всему этому вѣрили! Никто у послѣдователей ученія о трансубстанціаціи не будетъ оспаривать ихъ права вѣрить ей слѣпо и убѣжденно, но можно-ли требовать отъ другихъ, чтобы и они ослѣпли? Зачѣмъ? На какомъ правѣ? Проф. Гусевъ въ послѣдней своей брошюрѣ старается смягчить матеріалистическій характеръ трансубстанціаціи (это мы увидимъ ниже); онъ старается также устранить затрудненія, основательно выдвигаемыя со стороны философіи противъ этого ученія, и старается доказать, что слово пресуществленіе въ сущности очень понятно; но если спросить его, въ чемъ же состоитъ пресуществленіе, онъ конечно долженъ будетъ повторить слова нашего катихизиса и сказать, что этимъ терминомъ утверждается лишь то, что хлѣбъ истинно, дѣйствительно и существенно дѣлается тѣломъ. Это прямо взято изъ катихизиса, а написано это для того, чтобы объяснить: что такое пресуществленіе? Можно-ли сомнѣваться въ томъ, что если бы Филаретъ, составитель катихизиса, находилъ, что это объясненіе слова

1) Выраженія, впервые утвержденныя на римскомъ соборѣ, затѣмъ черезъ соборъ тридентинскій перешедшіе и въ окружное посланіе 1723 года.

«прсуществованіе» было не ясно, не полно, онъ бы не съумѣлъ его дополнить? Очевидно слова истинно, дѣйствительно и существенно поясняютъ дѣло *вполнѣ*. Но что же дѣлаютъ старо-католики? — Они съ полнѣйшей готовностію принимаютъ это истолкованіе. Очевидно стало быть, что *въ существѣ* дѣла мы съ ними согласны, разница лишь *въ словѣ*, и только изъ за *слова* и препирается проф. Гусевъ.

Въ моемъ предъидущемъ письмѣ я указывалъ на исторію введенія у насъ слова, которымъ такъ дорожитъ мой почтенный оппонетъ, но на нее имъ, повидимому, было обращено мало вниманія, или я недостаточно рельефно ее выставилъ. Представлю снова нѣсколько данныхъ. О таинствѣ евхаристіи конечно много разсуждали отцы церкви и издавна совершенно ясно и опредѣленно установили, что въ причастіи мы вкушаемъ самыя тѣло и кровь Спасителя, что дары дѣлаются истинно, дѣйствительно и существенно Его тѣломъ и кровью. Это ученіе установлено древней церковью совершенно опредѣленно и окончательно; но ничего болѣе, ибо всякое «болѣе» конечно было бы излишнимъ; ни о какой транссубстанціи не было и рѣчи. Въ этомъ самомъ смыслѣ высказывается и послѣдній отецъ церкви Іоаннъ Дамаскинъ, учащій что хлѣбъ и вино претворяются въ тѣло и кровь Божию. Ежели же ты желаешь знать, говорить онъ, желаешь образа, *како* бываетъ (какъ сіе совершается), то — достаточно тебѣ услышать, что совершается сіе Св. Духомъ (дѣйствиємъ Св. Духа). Затѣмъ указывается, для вразумленія нашего, на образъ, на примѣръ, какъ Себѣ Самому и въ Себѣ Самомъ Господь составилъ плоть, указывается на примѣръ «воплощенія» (въ которомъ именно обѣ природы соединены во едино). О соединеніи же сихъ натуръ говорится въ догматическомъ опредѣленіи IV Вселенскаго собора текстуально слѣдующее (по книгѣ *Правиль Св. Апостолъ*): «...Христа, Сына, Господа Единороднаго, во *двухъ естествахъ* неслитно, неизмѣнно, нераздѣльно, неразлучно познаваемаго. Никакоже различію двухъ естествъ потребляемому соединеніемъ, паче же *сохраняемому свойству коегождо естества*». Это указаніе великаго отца церкви на постановленіе Вселенскаго собора, при участіи 630 епископовъ, въ которомъ говорится, что при воплощеніи Богъ Сынъ, удерживая одну видимую форму, имѣетъ *два естества* (двѣ субстанціи) неслиянныя и неизмѣнныя, едва ли послужитъ къ укрѣпленію ученія транссубстанціа-

ціи, пере-существованія, пере-субстанціаціи, при которой субстанціа хлѣба и вина переходитъ въ другую, божественную, сама же теряется, оставляя послѣ себя лишь свои акциденціи, сливается съ нею и измѣняется.

Но какъ же явилось это слово у насъ, на Востокѣ? Извѣстно, что у отцевъ церкви о пресуществленіи нигдѣ не упоминается, послѣ отдѣленія церкви римской отъ церкви православной; въ ней начинаютъ распространяться ученія уже не исправляемыя, не контролируемыя вліяніемъ Востока. Filioque сдѣлано догматомъ и введено въ Символь. Монахъ Пасхазій Радбертъ изобрѣтаетъ слово «трансубстанціація», на римскомъ соборѣ 1059 г. трансубстанціація получаетъ свою матеріалистическую форму; на тридентскомъ (1545 — 1563) трансубстанціація дѣлается обязательнымъ ученіемъ церкви латинской. Сто лѣтъ спустя оно утверждается и у насъ. Какимъ образомъ? Вотъ краткій перечень фактовъ. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ римско-католики и протестанты, ожесточенно спорившіе о значеніи таинства Евхаристіи, искали себѣ союзниковъ. Желаннымъ и авторитетнымъ союзникомъ или вѣрнѣе супер-арбитромъ въ этомъ спорѣ была, конечно, православная церковь, за нею такъ сказать ухаживали обѣ стороны, стараясь найти себѣ среди восточныхъ іерарховъ союзниковъ. Конечно и въ средѣ самой православной церкви находились ученые, сочувствующіе тому или другому направленію богословской мысли. Къ нимъ и примкнули враждующія стороны, или вѣрнѣе стороны старались ими воспользоваться. Тутъ начинается одна изъ самыхъ безотраднѣйшихъ эпохъ въ исторіи восточной церкви. Эпоха притѣсненій, обмановъ, подкуповъ и даже убійствъ! Не мало силы и вѣры нужно было имѣть восточнымъ церквамъ, чтобы выйти невредимыми изъ такихъ испытаній! За мѣчу, что и нынѣ опасность хотя и приняла другую форму — однако отнюдь не менѣе велика! Въ 1625 іезуиты дали крупную взятку турецкому правительству, которое смѣнило патріарха Кирилла Лукариса, враждебнаго латинству и, какъ извѣстно, склонявшагося къ идеямъ протестантскимъ. Лукариса замѣнили Иссаакомъ халкидонскимъ; но представители протестантовъ (дипломаты голландскіе и англійскіе), отвѣтили на это тѣмъ, что дали визирю еще большую взятку, и Кириллъ возвратился на константинопольскую кафедру; но и іезуиты не дремали; опираясь на могущественнаго французскаго посла, они выдвинули свою креатуру — Кирилла Кон-

тариса и возвели его на престоль; правда, его скоро прогнали, но кончилось все таки тѣмъ, что іезуиты побѣдили, Лукарисъ, сторонникъ протестантства, былъ свергнутъ, сосланъ и задушенъ въ 1638. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ, въ такихъ условіяхъ, борьба богословская не имѣла строго объективнаго, спокойнаго характера, ей приличествовавшего; обѣ стороны вдавались въ крайности, возводили другъ на друга преувеличенныя обвиненія, всякое свое мнѣніе возводили въ догматъ и. т. п. Наука, научныя изслѣдованія отходили на задній планъ.

Споръ сосредоточился на словѣ «пресуществленіе», признанномъ каноническимъ и обязательнымъ на тридентскомъ соборѣ и введенномъ въ тридентскій катихизисъ (Catech. Pars II. XL)... «ita etiam, quod in sacramento Eucharistia tota unius rei substantia, in totam alterius rei substantiam transeat, verbum *transsubstantiationis recte et sapienter* a majoribus nostris inventum est». Благоразумно впрочемъ прибавлено: «De Transsubstantiatione curiosius non inquirendum»! На Востокѣ выраженіе это было извѣстно и прежде; его употреблялъ Геннадій Схолярій, но никто не придавалъ ему какого-либо особеннаго значенія. Такъ наприм., патріархъ Іеремія II, писавшій знаменитый отвѣтъ тюбингенскимъ богословамъ (Crusius) 1576 г., то есть сто лѣтъ спустя послѣ Геннадія, гдѣ подробно и вполне обстоятельно доказывается протестантскимъ ученымъ ихъ полнѣйшее заблужденіе, гдѣ съ величайшей полнотой объясняется православное ученіе объ Евхаристіи, ни разу однако не упоминаетъ слова «пресуществленіе» — «μετοσώσις». Можно ли допустить, что если бы выраженіе это имѣло то догматическое значеніе, которое ему приписываетъ проф. Гусевъ — ученый патріархъ объ немъ бы не упомянулъ, пиша протестантскимъ богословамъ! Три года послѣ убійства Кирилла Лукариса, въ 1641 г. созывается соборъ въ Константинополѣ съ цѣлію борьбы противъ протестантской религіи. Въ слѣдующемъ году созванъ соборъ въ Яссахъ (въ немъ участвуетъ всего 15 епископовъ) тоже съ полемическими цѣлями, для противодѣйствія тому же протестантству; на немъ предають анаѣмѣ тѣхъ, которые держались ученій, заключающихся въ книгѣ, приписываемой Лукарису; въ 1668 г. на соборѣ въ Кипрѣ снова разбирають кальвинскія ереси и осуждаютъ ихъ. Въ это время въ Константинополь пріѣхалъ г. де Нуантель (De Nointel), посоль могущественнаго Людовика XIV. Корреспонденція его съ ко-

ролемъ и министрами иностранныхъ дѣлъ недавно, въ 1896 г. кажется, была напечатана; она очень интересна, и бросаетъ яркій свѣтъ на мученическое положеніе патріархіи, изнывавшей подъ гнетомъ визирей и подъ давленіемъ иностранныхъ дипломатовъ. Къ несчастію представители патріархіи были не всегда достаточно самостоятельны и неподкупны. Ко времени приѣзда Нуантеля вліяніе панистовъ одержало верхъ надъ вліяніемъ протестантовъ; но первымъ хотѣлось еще имѣть и документъ, свидѣтельствующій о томъ, что восточная церковь учитъ о св. евхаристіи буквально такъ-же, какъ и латиняне; и Нуантель сходитъ съ патр. Діонисіемъ; онъ начинаетъ вымогать у него документъ, подтверждающій и удостовѣряющій, что православная церковь и въ выраженіяхъ солидарна съ Римомъ (относительно таинства Евхаристіи). Мало по малу Діонисій сближается съ посломъ, который пишетъ, что патріархъ подаетъ надежды на воссоединеніе съ Римомъ, что онъ довольно ученъ (*assez savant*). Вскорѣ затѣмъ начинаются по какому-то случаю притѣсненія православныхъ (не смотря на то, что Діонисій при своемъ назначеніи на константинопольскую кафедру заплатилъ великому визирю взятку въ 60,000 франковъ). Нуантель, пользуясь своимъ правомъ экстерриториальности, скрываетъ въ своемъ дворцѣ гонимыхъ православныхъ іерарховъ, но объясняетъ при этомъ патріарху, что кальвинисты не унимаются, а утверждаютъ, что православные не признаютъ *преложенія*, что поэтому совершенно необходимо, чтобы патріархъ выдалъ ему, Нуантелю, оффиціальныи документъ, въ которомъ бы ясно было сказано, что православные употребляютъ и латинскую терминологию. Заставивъ посла прождать нѣкоторое время, Діонисій исполняетъ его требованіе. «Наконецъ, пишетъ Нуантель, патріархъ прислалъ мнѣ требуемый документъ, подписанный самимъ Діонисіемъ, его тремя отставными предшественниками, патріаршимъ референдаріемъ (?) «39» митрополитами (епископами?). Изъ этого «синодальнаго постановленія» (*acte Synodal*) о таинствѣ евхаристіи явствуетъ, что греки признаютъ «перемѣну субстанцій». Патріархъ въ униженныхъ выраженіяхъ проситъ представить этотъ актъ могущественному королю... Такимъ образомъ ученіе о пресуществленіи было признано каноническимъ, равнымъ ученію о преложеніи, и утверждено торжественнымъ актомъ, отправленнымъ въ Парижъ.

Но вотъ желанный актъ со словомъ «пресуществленіе»

въ рукахъ Нуантеля — и картина мѣняется; посоль за что-то недовольный патріархомъ, отказывается ему въ приѣмъ, когда тотъ является съ какимъ-то поздравленіемъ (это было 8-го января 1673 года) и униженный патріархъ вынужденъ прибѣгнуть къ протекціи рим.-католическаго епископа для того, чтобы возвратить себѣ милость могущественнаго представителя Людовика XIV. Но патріархъ болѣе не нуженъ; посоль пишетъ королю (21 сентября 1673): разныя событія, которыя приведутъ къ разрушенію патріаршаго достоинства (?) не нарушатъ доктрины пресуществленія (*evènements, qui amèneront la ruine de la dignité patriarcale, ne donnent point d'atteinte à la doctrine de la transsubstantiation*). Не извѣстно, что разумѣлъ Нуантель подъ разрушеніемъ достоинства, должности (?) патріархата, — вѣроятно унию?.. Я привелъ эти факты лишь для того, чтобы показать, въ какомъ положеніи находились патріархаты, въ какой зависимости они были, подъ какими разносторонними вліяніями они находились, какая ожесточенная борьба велась внутри самой іерархіи, чтобы показать, что церковь была лишена того спокойствія, въ особенности той свободы, которая необходима для того, чтобы имѣть возможность обсуждать важныя догматическія истины на законно созванныхъ и свободно разсуждающихъ вселенскихъ соборахъ; можно ли къ слову «*транссубстанціація*» — «пресуществленіе», которому г. Гусевъ даетъ догматическое значеніе, примѣнить то, что самъ онъ говоритъ про то или другое ученіе церкви (стр. 56): именно, что «Отцы церкви не выступали на соборахъ съ какимъ либо новымъ ученіемъ, а только свидѣтельствовали и утверждали *господствующее искони въ церкви ученіе*!» Можно ли это сказать про терминъ «пресуществленіе», въ особенности, если ему придавать тотъ преувеличенный и насильственный латинскій колоритъ, который оно получило на Востокѣ, частію подъ тяжелымъ вліяніемъ всесильныхъ именно въ XVII столѣтіи іезуитовъ и ихъ пособниковъ, а частію, и еще болѣе, можетъ быть, для того, чтобы ясно, осязательно, матеріально доказать, что православіе не имѣетъ ничего общаго съ протестантскимъ пустымъ и безсодержательнымъ символизмомъ? Отсюда разныя подробности, долженствующія намъ уяснить значеніе пресуществленныхъ даровъ; знай причащающійся, что это именно тѣло, что оно состоитъ изъ мускуловъ, костей, нервовъ, что вотъ ты долженъ жевать его зубами и раздирать руками и т. п. Вотъ отъ этихъ-то матеріалистическихъ поня-

тій и пятятся старо-католики, признающіе вполнѣ *реальность* (realiter) св. причастія, пребыванія въ немъ тѣла и крови Христовыхъ, но не желающіе, чтобы, какъ они выражаются, на него смотрѣли, какъ на мясо (sed non carnaliter). Не подлежитъ тоже сомнѣнію (хотя мой почтенный оппонентъ не придаетъ этому обстоятельству надлежащей важности), что русская церковь *не* сочувствуетъ матеріалистическому взгляду на Евхаристію. Это видно изъ того уже, что она не только воздерживалась болѣе столѣтія отъ перевода посланія восточныхъ патріарховъ, но и то, что исключила изъ него именно тѣ выраженія, которыя смущаютъ человѣка, смотрящаго на таинство не съ матеріалистической точки зрѣнія. Это доказываетъ, что церковь наша относится не сочувственно къ матеріалистическимъ толкованіямъ слова «пресуществленіе», слова, несомнѣнно дающаго поводъ къ недоразумѣніямъ и кривотолкамъ. Несомнѣнно также остается въ силѣ и замѣчаніе мое о томъ, что въ чинѣ принятія въ лоно православной церкви протестантовъ не встрѣчается слово «пресуществленіе»; значить, что можно сдѣлаться православнымъ и обходиться безъ него, такъ какъ сдѣлавшись православнымъ, онъ, живи хоть столѣтъ, никогда о немъ не услышитъ; ибо его нѣтъ въ нашей литургіи; причащайся онъ хоть каждую недѣлю, онъ будетъ лишь постоянно повторять: Вѣрую яко сіе **есть** причистое тѣло Твое; онъ будетъ при этомъ несомнѣнно причащаться святыхъ тайнъ, хотя никогда не услышитъ слова «пресуществленіе». Когда я въ первый разъ обратилъ вниманіе проф. Гусева на это обстоятельство, онъ мнѣ, какъ сказано выше, довольно аподиктически замѣтилъ: «это ничего не говоритъ, исключая того, что это неупоминаніе» нашей церковью (слова «трансубстанціація») «должно (?) наконецъ перейти въ упоминаніе». Но вотъ прошло уже два года и «неупоминаніе» такъ и *не пресуществилось* въ «упоминаніе»! Мнѣ кажется, что настойчивость проф. Гусева, его желаніе во что бы то ни стало отстоять обязательность, догматичность слова пресуществленіе происходитъ отъ того, что онъ какъ бы смѣшиваетъ реальность и матеріальность, ему, если не ошибаюсь, кажется, что реальность можетъ быть только матеріальною; онъ опасается, что ежели устранить матеріальность изъ евхаристіи, мы впадемъ въ символизмъ. Нѣтъ! Вѣдь Богъ есть Духъ, т. е. не матерія, а вѣдь Онъ наибольшая, наиреальнѣйшая изъ реальностей. Впрочемъ проф. Гусевъ настойчиво утверждаетъ,

что онъ ничуть не желаетъ становиться на точку зрѣнія чисто матеріалистическую; онъ (стр. 115) допускаетъ повидимому (основываясь на нѣсколько не вполне опредѣленныхъ выраженіяхъ въ Св. Писаніи) нѣчто среднее между матеріей и духомъ, какую-то своеобразную одухотворенную матерію, которую онъ конечно ни въ психологіи, ни въ фізіологіи не найдетъ! Въдь все это настолько неопредѣленно, неясно и ненаучно, что объ этомъ очень трудно разсуждать... онъ говоритъ стр. 156: «Мы конечно не знаемъ, что такое *существо тѣла Христа*». Конечно мы этого не знаемъ, и знать не можемъ, но вотъ именно поэтому-то и не слѣдуетъ препираться о переходѣ существа хлѣба въ другое существо, *котораго мы не знаемъ*, но на которое переходятъ акциденціи прежняго исчезнувашаго, отъ котораго осталась гдѣ-то одна сущность, уже безъ акциденцій. Мнѣ и кажется, что препираться объ этомъ не стоитъ и что безъ всего этого можно преисправно обойтись въ религіи; я полагаю, что намъ нечего вдаваться въ бесплодныя философствованія, потому что, что ни говори, а споръ о значеніи трансубстанціаціи — споръ не богословскій, а чисто философскій. Я утверждалъ и утверждаю, что для того, чтобы понять, что значить *трансубстанціація*, нужно знать, что такое *субстанція*, а объ этомъ, утверждаю я, мы едва ли можемъ имѣть какое-либо опредѣленное понятіе. При этомъ я ссылаюсь на нѣкоторыхъ философовъ; отрицающихъ возможность понять, что такое субстанція, или даже отрицающихъ реальность субстанціи (между прочимъ на Канта: въ Прологоменахъ) и на другихъ. Это не поколебало убѣжденій моего почтеннаго противника, продолжающаго утверждать, что все это — субстанція, сущность и т. д. совсѣмъ простыя и доступныя понятія! Онъ говоритъ, что это пойметъ всякій «разсудительный человѣкъ» (стр. 138); прежде проф. Гусевъ увѣрялъ, что это пойметъ даже «мужикъ»! Удивительный, думалось мнѣ, этотъ край (кажется Казань), гдѣ мужики такъ легко понимаютъ вещи, надъ которыми ломаютъ себѣ головы и ученые. Въ нашей бѣдной мѣстности (Павловскъ) такихъ мужиковъ я рѣшительно не встрѣчалъ; бываю я часто и у нѣмцевъ (самый кажется философскій народъ), однако они и по сіе время не могутъ сойтись на томъ, что такое субстанція, одна ли она, или ихъ много? и т. д. Очень будетъ неудобно для поборниковъ трансубстанціаціи, если будетъ признано, что

вся міровая субстанція одна (а теперь многіе ученые такъ и думаютъ). Г. Гусевъ обвиняетъ меня въ томъ, что, приведя слова Спира, будто бы меня обличающія, я ихъ не передалъ, (не перевелъ) по-русски. Было бы очень неосмотрительно съ моей стороны, если бы я привелъ цитату, который меня же обличаетъ (къ счастью этого не случилось), и я съ спокойной совѣстью могу перевести не до-переведенныя слова Спира. Я приводилъ мнѣніе Канта, говорящаго, что чистыя категоріи, въ томъ числѣ и категорія субстанціи, сами по себѣ не имѣютъ реальнаго значенія; въ дополненіе я привелъ Спира, вотъ его слова: *Wir erkennen zwar die Körper in der gewöhnlichen Erfahrung als Substanzen, aber unbedingte objective Wahrheit hat eben diese Erkenntniss nicht, т. е. мы, правда; познаемъ тѣла въ обыкновенномъ опытѣ какъ субстанціи, но такое познаніе лишено безусловной объективной истинности.* Не перевелъ я этихъ словъ просто потому, что читатель, который въ состояніи интересоваться нашимъ споромъ о субстанціяхъ, конечно бы и безъ перевода понялъ слова Спира, но во всякомъ случаѣ они меня ничуть не обличаютъ. Напротивъ! Мнѣ кажется, что пр. Гусева вводитъ въ заблужденіе тотъ фактъ, что въ обыкновенномъ разговорѣ сплошь и рядомъ слышишь, что люди говорятъ про сущность, про субстанцію и другія понятія, которыя однако очень трудно объяснить точно. Всѣ даже и не казанскіе, а простые мужики говорятъ напр., о пространствѣ, о времени; всѣ говорятъ «у меня нѣтъ *времени*», «большое, малое *пространство*», «въ *сущности*, мнѣ все равно» и т. п. Это справедливо; для обыкновеннаго разговора слова эти имѣютъ нѣкоторое общепринятое значеніе, достаточное для обмѣна мыслей; но дѣло становится совершенно инымъ, когда мы вынуждены дать отчетъ въ ихъ точномъ, философскомъ значеніи, и тутъ не только казанскій «мужикъ» или «всякій разсудительный человѣкъ», но и нѣмецкій философъ запнется; а разъ мнѣ въ богословскомъ спорѣ говорятъ про *Transsubstantia — tio*, я имѣю право утверждать, что споръ переходитъ на почву философіи, имѣю право требовать, чтобы мнѣ объяснили съ достаточной ясностію, что такое субстанція съ акциденціями или безъ оныхъ, или съ чужими акциденціями, чтобы мнѣ пояснили, какимъ образомъ о такой будто бы «простой вещи», которая доступна будто бы первому встрѣчному, могутъ препираться такіе великаны мысли, какъ Эммануиль Кантъ?

Я отнюдь не врагъ философской мысли, ни вообще ни въ особенности въ ея соединеніи съ мыслью богословской; далеко нѣтъ. Великіе отцы церкви—и Василій Великій, и всѣ три св. Григорія, и св. Іоаннъ Златоустый, изучали философію и словесность, что конечно не мало помогло ихъ необыкновенному вліянію (не только на современниковъ, но и на всѣ послѣдующія поколѣнія христіанъ. Я конечно не думаю, что *Pilosophia* — *ancilla Theologiae*; онѣ, каждая въ своей сферѣ — царственны. Вѣрно понятія, онѣ несомнѣнно служатъ тѣснѣйшему сближенію между Создателемъ и созданнымъ. Деллингерь справедливо утверждалъ, что философія и исторія — необходимыя союзницы богословія, что это «*два ея глаза*», и я конечно скорблю о томъ, что въ нашихъ богословскихъ школахъ философія и *humaniora* въ тѣсномъ смыслѣ — вытѣсняются такъ называемыми *точными, практическими, полезными* науками, я вполне раздѣляю мысль Гербарта, что для положительной религіи и самый смѣлый полетъ мысли менѣе опасенъ, нежели слѣпое подчиненіе признанному ученію, что ея развитію болѣе всего должно опасаться невѣжества и фанатической слѣпоты. Знаменитаго Бэконова изреченія нечего и приводить, оно всѣмъ извѣстно. Все это несомнѣнно. Можетъ быть богословъ, сбившійся съ пути, благодаря дурно понятой философіи, но «*выстрадавшій*» свое невѣріе, ближе къ Господу, нежели калабрійскій «бриганте», ставящій Мадоннѣ свѣчку, испрашивая ея помощь въ ограбленіи еретика — «инглезе», или даже какая-нибудь наша добродушная старушка, глубоко убѣжденная, что «Казанская» услышитъ скорѣе ея мольбу, нежели «Владимірская»... Это вопросъ иной; пути ко Всевышнему различны и чудесны, но несомнѣнно — помощь философіи желательна лишь тамъ, гдѣ она вноситъ въ богословскую мысль совершенно опредѣленныя, удобо-понятныя данныя, чего про субстанцію и акциденціи сказать никакъ нельзя. Нѣтъ! Лучше останусь при простой своей вѣрѣ, и буду, не мудрствуя лукаво, повторять: вѣрую и исповѣдую, яко сіе *est* тѣло и т. д., не забываясь о томъ, что (и какъ) ¹⁾ непонятная для меня суб-

¹⁾ Ибо несомнѣнно, что слово пресуществленіе, какъ бы отъ сего ни отказывались его сторонники, придумано Пасхазіемъ Радбертомъ для того, чтобы объяснить, какъ дѣлается превращеніе, и придумано столь же неудачно, какъ и современное ему догматизированное *Filioque*.

станція даровъ превращается въ еще менѣе понятную субстанцію самаго Слова!

Не мало страницъ посвящаетъ пр. Гусевъ на то, чтобы доказать, что понятіе о трансубстанціи не вносить никакой матеріализаціи въ ученіе объ Евхаристіи, и что ученіе это, будучи вполне логическимъ выводомъ изъ того, что говорятъ Отцы церкви, или и сама церковь, должно быть несомнѣнно принято, и даже, что тѣ, которые считаютъ его излишнимъ, или ничего недоказывающимъ, или даже затемняющимъ истину — грѣшатъ противъ Церкви. Къ числу такихъ отверженныхъ принадлежу будто и я. Пр. Гусевъ прямо говоритъ (стр. 152), что я, утверждая, что теорія трансубстанціи ведетъ къ матеріализаціи ученія о таинствѣ евхаристіи, «дѣлаю чудовищный упрекъ Православной церкви». Позвольте! Православная церковь тутъ ни при чемъ: я ей не дѣлаю, и никогда не позволю себѣ дѣлать ей ни чудовищныхъ и ни какихъ иныхъ упрековъ; я съ ней не осмѣлюсь и полемизировать. Зато я очень позволяю себѣ полемизировать съ проф. Гусевымъ; при всемъ моемъ уваженіи къ его докторскому диплому, я ни какъ не могу отождествлять его мнѣній съ мнѣніями православной церкви. Въ подобную ошибку иногда впадаютъ наши, даже опытные полемисты. Говоря о какой нибудь важной истинѣ, о важномъ дѣлѣ, они иногда думаютъ, что и всѣ благомыслящіе, всѣ разсуждающіе должны непременно такъ мыслить и разсуждать какъ они; однако ошибка остается ошибкой, — «*ressatum*», хотя и «*veniale*» остается «*ressatum*». Повторяю, г. Гусевъ ошибается: я православной церкви не обвиняю, ибо православная церковь и не думаетъ такъ смотрѣть на трансубстанцію, какъ смотритъ онъ. Ошибка его, мнѣ кажется, заключается въ томъ, что онъ смотритъ на свои умозаключенія, какъ на безусловную истину, а стало быть и какъ на нѣчто безусловно обязательное, какъ на догматъ. Но догматы не устанавливаются путемъ умозаключеній, хотя бы и вполне логическихъ. Логика человѣческая вещь ненадежная, хотя бы и профессорская! И профессора спорять; и иногда жестоко, взаимно обвиняя себя въ недомыслии и невѣжествѣ.

Но представимъ себѣ, что старо-католики, переубѣжденные сильной аргументаціей пр. Гусева, забывъ всѣ неудобства, связаннаыя съ принятіемъ спорнаго выраженія, забывъ весь вредъ внесенный имъ въ жизнь западной церкви, всѣ порожденныя имъ суевѣрія, согласились бы его принять (?). Имъ

бы пришлось натолкнуться на слѣдующее затрудненіе. — Куда съ нимъ дѣться? Куда его ввести? Въ литургическія книги? Въ обѣдню? — Нѣтъ; ибо его не оказывается и у насъ, у православныхъ; это составило бы новую разность между церквами. Въ чинъ присоединенія кальвинистовъ? Нѣтъ, ибо, какъ мы видѣли, этого нѣтъ и у насъ. Въ какія нибудь молитвы? Но опять тоже затрудненіе: сколько мнѣ извѣстно, на Востокѣ такихъ молитвъ нѣтъ. Куда же дѣться съ новымъ пріобрѣтеніемъ? На это у поборниковъ трансубстанціаці конечно найдется отвѣтъ. — Куда! очень просто — въ катихизисъ! Тамъ настоящее ему мѣсто и первый, ученѣйшій нашъ іерахръ не только настоящаго времени, но, должно думать, и вообще нашей русской церкви — Филаретъ московскій самъ помѣстилъ его въ катихизисъ. Но вотъ тутъ и обнаруживается интересный, едва ли извѣстный моему оппоненту фактъ. Оказывается, что если въ послѣднихъ изданіяхъ филаретовскаго катихизиса дѣйствительно находится слово «пресуществленіе», при чемъ однако упоминается, что слово это не объясняетъ *образъ*, которымъ дары претворяются, *ибо сею нельзя постичь*, но показывается только, что дары *бываютъ истинно, дѣйствительно и существенно* ¹⁾ кровью и тѣломъ Господними, оказывается, говорю я, что, до конца тридцатыхъ годовъ (до поступленія на должность оберъ-прокурора Св. Синода графа Протасова, въ молодости бывшаго воспитанникомъ іезуитовъ), въ этомъ самомъ катихизисѣ Филарета, о пресуществленіи и не упоминается. Неужели пр. Гусевъ думаетъ, что тѣ православные (и ученые и неученые), которые учились религіи по этимъ катихизисамъ (т. е. въ продолженіе не малаго числа лѣтъ), не имѣли правильнаго понятія о томъ, что такое таинство евхаристіи, — что въ ихъ религіи былъ пробѣлъ, столь значительный, что, по мысли г. Гусева, онъ могъ вліять на зачисленіе, или незачисленіе ихъ въ число православныхъ, что не вѣдающіе о немъ были въ сущности еретиками. Дѣйствительно: что такое ересь? Это — или признаніе ложнаго ученія за догматъ церкви, или, обратно — непризнаніе, непринятіе догмата признаннаго таковымъ церковью. Но вѣдь г. Гусевъ на многихъ страницахъ доказываетъ, что ученіе о трансубстанціаці — несомнѣнный догматъ, иначе изъ-за чего бы онъ со мной

¹⁾ Эти именно три выраженія и приняты старо-католиками (*vere realiter et substantialiter*).

полемизировалъ? Онъ съ величайшимъ тщаніемъ доказывасть, что вѣрить въ то, что дары дѣлаются *истинными* тѣломъ и кровью Спасителя не достаточно, что *нужно* еще, что *необходимо* повторять слово *пресуществленіе*, что безъ сего и причастіе не въ причастіе, или что (развиваю *логически* мысль г. Гусева) причащеніе, при которомъ не имѣлось въ виду причащавшимся слова пресуществленіе, было не въ спасеніе, а въ погибель! («Ядый и пійяй недостойнѣ — судѣ себѣ ясть и шеть!»). Подумаешь, сколько поколѣній русскихъ людей, считавшихъ себя православными, причащались недостойно. Къ счастью, *Церковь* не придавала и не придаетъ оспариваемому ученію значенія, которое ему придаетъ г. Гусевъ. Это не что иное, какъ простое богословское мнѣніе, которое хотя и не можетъ считаться теологуменономъ, но, *вѣрно понятое*, безъ внесенія въ него латинскихъ излишествъ (раздираемыхъ мускуловъ и т. п.) совершенно удобопріемлемо и не можетъ быть признаваемо за «*impedimentum dirimens*».

Въ нежеланіи старокатоликовъ снова принять ученіе трансубстанціаціи нѣкоторые изъ нашихъ богослововъ видятъ проявленіе протестантскихъ симпатій. Они говорятъ: «старокатолики идутъ слишкомъ далеко — они отбрасываютъ даже трансубстанціацію». Что же оказывается? Не смотря на распространеніе среди массъ римско-католическаго народа разныхъ суевѣрныхъ культовъ матеріалистическаго пошиба, въ римско-католическихъ катихизисахъ замѣчается явленіе обратное. Оказывается, что, въ особенности съ начала XIX столѣтія матеріалистическіе оттѣнки, введенные когда-то въ пониманіе Св. Евхаристіи ученіемъ о трансубстанціаціи, постепенно смягчались. Уже Боссюеть, удерживая тридентинскую номенклатуру, смягчалъ ея пониманіе, не шель, въ сущности, далѣе принятыхъ и у насъ понятій — *vere, realiter et substantialiter*. Дюпанлу, который вмѣстѣ съ Марэ, Гефеле, Штроссмейеромъ, такъ смѣло возставалъ противъ догмата папской непогрѣшимости и потомъ такъ жалко — трусливо ему подчинился, нигдѣ, кажется, не упоминаетъ въ своихъ писаніяхъ о трансубстанціаціи. Въ ультраклерикальной Австріи (я уже на это указывалъ) въ приходскихъ катихизисахъ, по которымъ учатся дѣти прихожанъ, нигдѣ нѣтъ слова трансубстанціація, а всюду *Wandlung*, *Promjnovani* (перемѣна, преложеніе). Все это факты. Требуя отъ старокатоликовъ, чтобы они ввели у себя трансубстанціацію, мы совѣтуемъ имъ возвратиться вспять къ Пасхазію

Радберту, требуемъ отъ нихъ болѣе того, что требуетъ отъ римско-католиковъ ихъ римское церковное начальство. Позволю себѣ напомнить проф. Гусеву французскую поговорку: *Il ne faut pas être plus catholique — que le Pape!*

Проф. Гусевъ (стр. 27), стараясь уменьшить значеніе того факта, что наша церковь, переводя посланіе Восточныхъ патріарховъ 1723 года, опустила въ своемъ переводѣ тѣ выраженія, которыя отличаются римскимъ матеріалистическимъ характеромъ, исправила стало быть текстъ оригинала, дѣлаетъ интересное признаніе. Онъ говоритъ: это исправленіе — чистѣйшая фикція ¹⁾. «Опущенныя слова» (*ipsissima verba* Dr'a Гусева) «имѣютъ цѣлю» выразить *одно и то же*, но только иными словами, «для огромнаго большинства читателей не *вразумительными*». Мысль свою проф. Гусевъ выразилъ не вполнѣ удачно; едвали «опущенныя слова» *имѣли какую либо цѣль*; если же имъ и можно приписать какое либо желаніе, намѣреніе или *цѣль*, то уже конечно цѣль эта состоитъ не въ томъ, чтобы «выразить *что то и кому то невразумительными словами*». Но я не хочу придирацца къ словамъ, къ неточному выраженію мысли Dr. Гусева, которая несомнѣнно состоитъ въ томъ, что *невразумительныя* слова греческаго оригинала въ переводѣ или опущены или замѣнены *вразумительными*; такъ и прекрасно! (Не думаю, чтобы это справедливое замѣчаніе послужило къ поддержанію «престижа» и авторитета посланія, но это не важно). Вѣдь и я хлопочу о томъ только, чтобы мы избѣгали и для самихъ себя и въ особенности не навязывали другимъ «невразумительныхъ» словъ въ родѣ «трансубстанціаціи». На слѣдующей 28 стран. г. Гусевъ говоритъ, что опущеніе и вразумительныхъ словъ (употребенныхъ въ нашемъ синодальномъ переводѣ) и невразумительныхъ греческаго оригинала по суще-

¹⁾ На сколько это не фикція, а дѣло весьма реальное, пусть судить читатель (повторяю сказанное въ моемъ 2-мъ отвѣтѣ г. Гусеву): въ греческомъ оригиналѣ Посланія В. П. § 17 сказано: οὐκ ἔτι μένει τῆν οὐσίαν τοῦ ἄρτου и т. д... по-русски — „остаются уже не самый хлѣбъ“ и т. д... т. е. опущено слово οὐσίαν „существо“ („субстанція“), очевидно это слово найдено „невразумительнымъ“. Далѣе (тотъ же §) опущены слова: ἔτε χερσίν, ἔτε καὶ οδοῦ... придающія дѣлу грубо-матеріалистическій характеръ; опущена и „акциденція“ σμβεβηχός, занятая у Аристотеля и дающая богословскому разсужденію схоластически-философскій характеръ; вѣдь это факты.

ству не измѣняетъ сказаннаго. Да вѣдь дѣло и не идетъ о существѣ евхаристическаго ученія. Что причащающійся подѣ видомъ хлѣба и вина дѣйствительно вкушаетъ пречистое тѣло Господа и пьетъ Его кровь, объ этомъ никто и не споритъ. Вѣдь споръ идетъ лишь о *словѣ* пресуществленіе, которое старокатолики, и не одни они, находятъ «невразумительнымъ», а другіе находятъ «вразумительнымъ». Ни кто не мѣшаетъ тѣмъ, которые считаютъ это выраженіе правильнымъ, вразумительнымъ и яснымъ употреблять его, когда заблагоразсудится, но нельзя требовать отъ тѣхъ, которые не находятъ его таковымъ, чтобы и они его употребляли. Употребленіе его должно быть факультативно (какъ и выраженіе *Filioque* — конечно лишь въ смыслѣ частнаго мнѣнія). Что оно не имѣетъ за себя авторитета обязательности, — это доказывается между прочимъ и тѣми фактами, на которые мною не разъ было указано. Находя, что терминъ транссубстанціація вполне ясенъ, не допускаетъ кривотолковъ и даже «различнаго пониманія», пр. Гусевъ (стр. 158) говоритъ: «г. Кирѣевъ мечтаетъ (!) меня опровергнуть указаніемъ на то, что слово «субстанція» различно опредѣляютъ Спиноза, Кантъ, Гегель; но г. Кирѣевъ не вѣдаетъ того, что эти философы понимаютъ различно *не слово* «субстанція», а различно мыслить о томъ, что собственно нужно признать въ мірѣ, на дѣлѣ, за несомнѣнную «субстанцію»; или за «субстанцію». — Эта мысль дѣйствительно представляется для меня новою! Мнѣ кажется, что, какъ это бывало не разъ, мой почтенный оппонентъ снова даетъ мнѣ прекрасный аргументъ для подтвержденія моего тезиса. Дѣйствительно: слово (не говорю о междометіяхъ) соотвѣтствуетъ (или *должно* соотвѣтствовать) какому нибудь понятію. Если это понятіе просто, ясно, не подлежитъ спору, то и слово ему соотвѣтствующее тоже просто, ясно, не подлежитъ спору, «вразумительно» и обратно. Но не очевидно ли, что если означенные мудрецы тщетно стараются додуматься до того, *что* собственно на дѣлѣ *то*, о чемъ они думаютъ, гдѣ собственно сидитъ субстанція, не знаютъ куда ее дѣть; если они не могутъ столковаться о томъ, «*что* должно быть *признано* субстанціею», если, говорю я, все это такъ, то ясно, что, и *предметъ*, о которомъ идетъ рѣчь, не поддается точному опредѣленію, подлежитъ спору; но тогда и *слово*, которое придумано для его выраженія, не можетъ не подлежать спору, и оно не поддается точному опредѣленію, и оно тру-

дно уловимо! Невѣдѣніе мое, на которое указываетъ проф. Гусевъ, въ данномъ случаѣ не слишкомъ меня удручаетъ. Если, по авторитетному его замѣчанію, эти три философа (и какіе три!) столь различно мыслятъ о субстанціи, не знаютъ, куда съ ней сунуться, то и мнѣ простительно кое въ чемъ провиниться! Очевидно, что если одинъ изъ трехъ препирающихся правъ, ясно видитъ дѣло, то два другіе, иначе мыслящіе, не правы, видятъ дѣло не ясно, обрѣтаются такъ-же, какъ и я, въ грустномъ невѣдѣніи, но въ такомъ случаѣ — и мнѣ не стыдно; je suis en bonne compagnie!

Въ своей послѣдней брошюрѣ проф. Гусевъ старается доказать, что его пониманіе трансубстанціаціи не можетъ привести къ матеріализаціи понятія Евхаристіи; онъ этого до извѣстной степени и достигаетъ, вводя въ свои размышленія нѣкоторые новые элементы. На стр. 156 онъ допускаетъ понятіе (дѣйствительно не чуждое богословію) нѣкоей средней, полу-духовной, полу-матеріальной матеріи, — матеріальной лишь отчасти, необычайно утонченной, сильно одухотворенной; матеріи, могущей на примѣръ проникать въ комнату сквозь замкнутую дверь и т. п. На это конечно есть нѣкоторыя указанія. Можетъ быть это нѣчто среднее гдѣ нибудь и существуетъ, какъ нибудь и проявляется, но это духотѣло, или этотъ тѣло-духъ рѣшительно не поддается работѣ трезваго мышленія; это прямое достояніе сверхъчувственныхъ, но и не строго метафизическихъ сферъ. Всѣ эти недоступныя нашему мышленію привидѣнія, видѣнія, голоса... — входятъ въ область вѣры или мистики — но не науки. Оставаясь на почвѣ науки, я признаю существованіе первичной матеріи, признаю и духъ; я привыкъ къ этимъ понятіямъ, знаю, какъ надъ ними можетъ орудовать моя мысль. *Что* они представляютъ an und für sich — объ этомъ можно толковать и спорить (объ этомъ и спорятъ тысячи лѣтъ). Субстанція этихъ матеріи и духа представляется уже чѣмъ-то очень неопредѣленнымъ, очень неуловимымъ, подлежащимъ спору; но когда отъ меня требуютъ, чтобы я призналъ, какъ предметъ научнаго мышленія, еще и нѣчто среднее (духотѣло или тѣло-духъ), требуютъ, чтобы я и отъ этого третьяго, уже совершенно недоступнаго наукѣ объекта, еще «абстрагировалъ», отвлекалъ — его субстанцію, то признаюсь, я вынужденъ сказать, что въ этой сферѣ я не компетентенъ и что тутъ я обращаюсь не къ уму, а къ *вѣрѣ*, при томъ настолько, на-

сколько эти и подобные имъ вопросы дѣйствительно объектъ вѣры. Въ установленіи же и въ рѣшеніи ихъ я руководствуюсь указаніями непогрѣшимой церкви, а не одними благочестивыми чувствами, ни кого впрочемъ за таковыя не укоряя, и никому не мѣшая въ ихъ проявленіи. Профессоръ Гусевъ говоритъ, что онъ далекъ отъ мысли видѣть субстанцію или сущность тѣла Христова въ его мускулахъ и костяхъ, что эти мускулы и кости и у человѣка не составляютъ субстанціи его тѣла. Это заявленіе очень важно: если такъ, если мы устранимъ всю матеріалистическую сторону дѣла, которая и составляетъ нежелательную особенность римскаго ученія перешедшаго въ XVII столѣтіи и на Востокъ, подъ давленіемъ случайныхъ обстоятельствъ; если мы останемся въ предѣлахъ ученія Вселенской церкви, патріарха Іереміи и Катихизиса митрополита Филарета двадцатыхъ и первой половины тридцатыхъ годовъ, то вѣдь тогда намъ нѣ о чемъ и спорить, тогда и значеніе тѣхъ документовъ, на которые ссылается проф. Гусевъ, мѣняется. Мой оппонентъ очень сближается съ этимъ ученіемъ, говоря (стр. 140), что между евхаристическимъ тѣломъ Христа и тѣломъ обыкновеннымъ существуетъ радикальное, несоизмѣримое различіе, доходящее до противоположности. Если мы припомнимъ, при этомъ, что «тѣло» это находится «одесную Отца», находится «на небѣ»¹⁾ и т. п., то легко поймемъ, что православный и не нуждается въ матеріалистическихъ измышленіяхъ и преувеличеніяхъ, «въ амплификаціяхъ» Пасхазія Радберта и Римскаго собора 1059 года; тогда мы очень сближаемся! (Въ особенности припоминая, что реальна не одна матерія, что реаленъ и духъ).

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ объ извѣстныхъ документахъ XVII и XVIII столѣтій, изданныхъ на Востокѣ при специальныхъ условіяхъ (нынѣ не существующихъ) и при томъ, не на основаніи постановленій вселенскихъ соборовъ, а лишь соборовъ помѣстныхъ. Постановленіямъ этихъ помѣстныхъ соборовъ проф. Гусевъ придаетъ значеніе «символическихъ книгъ», содержащемуся въ нихъ ученію — безу-

¹⁾ Стоитъ вдуматься въ эти выраженія, чтобы убѣдиться въ ихъ символическомъ, переносномъ значеніи, въ томъ, что это лишь образы, лишенные матеріальности. Что значитъ *одесную Бога, безусловнаго Духа?* Что значитъ *небо?* Гдѣ оно? Гдѣ этотъ синій шатеръ, усыянный звѣздами?

словную обязательность, самые же эти соборы онъ приравниваетъ къ вселенскимъ. Это — третій пунктъ нашихъ разногласій, разсмотрѣніемъ котораго я и закончу нашу довольно продолжительную и, смѣю думать, не бесполезную полемику.

Въ послѣдней своей брошюрѣ проф. Гусевъ нерѣдко смягчаетъ безусловность своихъ положеній: имѣю въ виду то, что онъ говоритъ о двухъ актахъ, про которые мы и толкуемъ. Именно — объ «изложеніи вѣры» патр. Досіоея 1672 г. и въ особенности о посланіи Восточныхъ патріарховъ къ англиканамъ 1723; Проф. Гусевъ, разбирая ихъ, замѣчаетъ, что и въ нихъ есть части, имѣющія лишь временное значеніе, могущія быть измѣняемыми. Это безусловно вѣрно! Скажу болѣе; многія постановленія и Вселенскихъ соборовъ должны быть отнесены къ той же категоріи, а нѣкоторыя изъ нихъ и были фактически отмѣнены нашей автокефальной церковью, какъ вызванныя лишь временными условіями, въ которыхъ находилось христіанство той эпохи. Это безусловно вѣрно, и это же и поможетъ намъ разобраться въ значеніи посланія Восточныхъ патріарховъ 1723 или исповѣданія Вѣры 1672 г. Я отнюдь не утверждаю, что они лишены значенія; конечно нѣтъ, ибо въ нихъ приводятся и несомнѣнные догматы; но я оспариваю значеніе тѣхъ новыхъ ученій, которыя тоже въ нихъ заключаются, — въ данномъ случаѣ — ученіе о пресуществленіи. Когда мнѣ было указано на то, что именно слово пресуществленіе находится въ этихъ столь будто бы важныхъ актахъ и что оно поэтому обязательно, такъ какъ соборы санкціонировавшіе ихъ, имѣютъ одинаковое значеніе съ соборами Вселенскими, я отвѣтилъ, что это разсужденіе ошибочно. Во-первыхъ, не всѣ постановленія и Вселенскихъ соборовъ имѣютъ значеніе догматовъ, а во-вторыхъ именно соборы, на которыхъ выработаны эти акты, ни въ какомъ случаѣ не могутъ претендовать на значеніе соборовъ вселенскихъ. Соборы эти были созваны для цѣлей полемическихъ и при обстоятельствахъ совершенно специальныхъ, нынѣ не существующихъ; а вѣдь несомнѣнно, что то, что написано полемически (*ἀγωνιστικῶς*), и даже спорно, диалектически (*διαλεκτικῶς*), не можетъ быть приравнено тому, что излагается какъ истина, догматически (*δογματικῶς*). Это говоритъ митрополитъ Макарій, ссылаясь на Василия Великаго и Иоанна Златоустаго; а конечно митрополита Макарія нельзя заподозрить въ недостаткѣ осторожности въ сужденіяхъ.

Кстати замѣчу, что онъ же (м. Макарій) основательно предостерегаетъ отъ превращенія логическихъ (а тѣмъ болѣе полемическихъ) выводовъ, и умозаключеній — въ догматъ. Даже самыя законныя соображенія разума въ области догматическаго богословія, говоритъ онъ будутъ ли они принадлежать лично намъ, или будутъ заимствованы нами отъ писаній св. отецъ, отнюдь не должно ставить наравнѣ съ самыми догматами. Повторяю, акты, на которые указываетъ проф. Гусевъ, не могутъ быть признаны равными догматическимъ постановленіямъ Вселенскихъ соборовъ не только по характеру своего возникновенія, но и прямо потому, что одни лишь Вселенскіе соборы могутъ говорить именемъ всей церкви, и устанавливать, изрекать безусловныя истины.

Повторяю: говорить непогрѣшимо вѣрно можетъ лишь вся Вселенская церковь, только ей обѣщано Спасителемъ, что врата адовы ея не одолѣютъ, и для вѣщанія Истины у нея есть и спеціальный органъ, именно — Вселенскій соборъ. Онъ одинъ одаренъ чудеснымъ, божественнымъ свойствомъ изрекать безусловную догматическую истину, обязательную для каждаго христіанина. Такое сверхъ-естественное право и обставлено строгими условіями! Вселенскій соборъ долженъ быть правильно созванъ, состоять по возможности изъ представителей всѣхъ епископскихъ кафедръ православной церкви, и — дѣйствовать совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было вѣдшихъ, мірскихъ вліяній. Только тогда, только при этихъ условіяхъ могутъ епископы говорить — «таково изволеніе Св. Духа и наше». Несомнѣнно, что эту возвѣщенную Вселенскими соборами догматическую истину строго соблюдаетъ и исповѣдуетъ и наша русская церковь; но изъ этого не слѣдуетъ, что для установленія какого-либо новаго догмата она можетъ обходиться безъ Вселенскаго собора, и я увѣренъ, что ни одинъ изъ нашихъ іерарховъ не будетъ утверждать противнаго. Основаніемъ догмата служатъ или прямо Слово Божіе или Духъ Святой, говорящій посредствомъ Вселенскаго собора. Даже и столь важное въ установленіи православнаго ученія — «согласіе Отцевъ Церкви» — *consensus Patrum* ¹⁾, является лишь придаточнымъ средствомъ для выясненія церковнаго ученія. Не по-

¹⁾ Которое конечно важнѣе согласія сонма іерарховъ даннаго времени, какъ бы ни былъ онъ высокъ и по нравственности и по образованію и по безкорыстной и беззавѣтной преданности св. церкви.

тому собственно, что можно не довѣрять такому согласному свидѣтельству святыхъ отцевъ и учителей церкви, но потому, что удостовѣреніе такого согласія уже само по себѣ есть дѣло затруднительное и невѣрное; вѣдь оно по необходимости попадетъ въ руки далеко не непогрѣшимыхъ людей, разныхъ ученыхъ, богослововъ, палеографовъ, филологовъ и чиновниковъ! Тоже самое и въ еще большей мѣрѣ относится къ латинскому приему опроса—«на дому» епископовъ той или другой церкви; опроса такъ называемой *Ecclesiae sparsae*, разсѣянной церкви. Такимъ образомъ былъ установленъ въ римской церкви догматъ непорочнаго зачатія Пресв. Дѣвы, изданъ Силлабусъ... Повторяю—это способъ римско-католическій, и я не могу не удивляться тому, что онъ среди нашихъ богослововъ можетъ находить нѣкоторыхъ сторонниковъ. Къ числу ихъ принадлежитъ и проф. Гусевъ (стр. 13). Въ подтвержденіе того, что для утвержденія истины можно обходиться и безъ Вселенскаго собора, а довольствоваться постановленіемъ одной какой-либо автокефальной церкви сообщаемомъ и другимъ церквамъ, проф. Гусевъ ссылается на блаженнаго Августина. Дѣйствительно, для борьбы съ пелагіанизмомъ были созваны африканской церковью соборы въ Кареагенѣ и въ Милевѣ, которые осудили Пелагія и послали свои постановленія въ другія церкви *для ихъ предостереженія*. Да; и кареагенская церковь поступила очень мудро. Такія сообщенія были въ постоянномъ и ненарушимомъ обычаѣ древнихъ церквей; онъ поддерживалъ единство среди христіанскаго міра; но гдѣ же тутъ опроверженіе необходимости созыва *Вселенскаго* собора для постановленій догмата, т. е. безусловно непогрѣшительнаго правила для вѣры и нравственности христіанъ? Я, и конечно не я одинъ, сожалѣю, что прежнія сношенія между автокефальными церквами, въ особенности личныя посѣщенія нашей родины восточными іерархами ¹⁾ въ допетровскія времена—теперь вывелись, вышли изъ употребленія! Но если бы мы и могли возстановить эти древніе порядки, эти живыя общенія, если бы весь Востокъ могъ снова зажечь древней братской жизнью единовѣрныхъ христіанъ, то и тогда автокефальныя наши церкви не сочли бы себя въ правѣ

¹⁾ Впрочемъ на послѣднемъ Коронаваніи мы видѣли и восточныхъ гостей—іерарховъ и радостно ихъ привѣтствовали, хотя должно сознаться, что наше оевропейное общество гораздо болѣе интересовалось монсиньоромъ Ваннутелли—нежели родственными намъ по вѣрѣ православными епископами!

утверждать, что постановленія Вселенскаго собора могутъ быть замѣнены подсчетомъ мнѣній опрошенныхъ епископовъ, что изъ такихъ канцелярскихъ сношеній узнается воля Святаго Духа. Проф. Гусевъ говоритъ, что и онъ (стр. 41) держится той же точки зрѣнія, которая была предложена проф. Осининымъ на боннской конференціи и принята всѣми присутствующими богословами; но проф. Осининъ развивалъ именно ту мысль, что догматомъ можетъ быть признаваемы лишь тѣ пункты вѣроученія, которыя содержатся и коренятся въ божественномъ Откровеніи, а потому: или выражены въ Св. Писаніи яснымъ, не допускающимъ никакого произвольнаго толкованія образомъ или утверждены и опредѣлены какимъ-либо *Вселенскимъ* соборомъ.

Проф. Гусевъ очевидно преувеличиваетъ значеніе и силу автокефальныхъ церквей, неосновательно приписывая имъ право дѣлать обязательныя догматическія постановленія внѣ указаннаго исторіею церкви пути Вселенскаго собора. Изъ того, что наша церковь въ данную минуту исповѣдуетъ — несомнѣнно — вѣрное догматическое ученіе, никакъ не слѣдуетъ, что тоже самое будетъ и впредь. Проф. Гусевъ ссылается на указаніе вс. патріарха Анеѿима, что православная церковь остается и по нынѣ непоколебимо-вѣрною преданію и святымъ апостольскимъ правиламъ первыхъ девяти вѣковъ нашей эры, когда церковь была едина (стр. 10). Да кто же въ этомъ сомнѣвается? Этого нечего и доказывать, но это ничего и не доказываетъ! Дѣло въ томъ во 1-хъ, что изъ за того, что данная церковь въ данную минуту несомнѣнно православна, не слѣдуетъ, что она и не можетъ впасть въ ересь. Ничуть! Ея постановленія могутъ быть и ошибочными, могутъ совершенно разойтись съ постановленіями церкви Вселенской, а во-2-хъ изъ того, что патріархъ признаетъ, что современная наша церковь неизмѣнно держится ученія Вселенской церкви, не слѣдуетъ, что многія богословскія мнѣнія, обряды, существующіе нынѣ въ нашей церкви, существовали и во Вселенской; сюда именно и должно быть отнесено ученіе о пресуществленіи. Патріархъ имѣетъ въ виду *догматъ*, а не что другое.

Меня, признаюсь, всегда удивляетъ усердіе нашихъ апологетовъ существующаго порядка; этимъ усердіемъ они несомнѣнно вредятъ дѣлу, дискредитируютъ свою защиту, въ другихъ отношеніяхъ можетъ быть и удачную. Въ Церкви присутствуютъ два элемента: божескій и человѣ-

чeskій: первый непогрѣшимъ и совершененъ, второй и погрѣшимъ и несовершененъ; наше несовершенство было бы *постыдно*, ежели бы мы его не хотѣли видѣть и признавать, если бы мы отъ него не страдали, имъ бы не болѣли, съ нимъ бы мирились; оно было бы *опасно* — ежели бы мы его дѣйствительно не замѣчали. А, по той ли, или по другой причинѣ, у насъ многіе не хотятъ сознаться, что у насъ многое и многое не въ порядкѣ, идетъ далеко не такъ, какъ бы слѣдовало. Помилуйте, какъ можно говорить, что мы въ чемъ-нибудь неправы! возражаютъ они; у насъ все хорошо; у насъ все лучше, нежели гдѣ бы то ни было! Нельзя не указать этимъ слишкомъ усерднымъ апологетамъ на примѣръ автора «Московского сборника». Я далеко не во всемъ раздѣляю мнѣнія К. П. Побѣдоносцева, но не могу не отдать полной справедливости, мужественной откровенности, съ которой онъ указываетъ на «кричащія» недочеты нашей церковной жизни. Я удивляюсь въ особенности тому, что именно *русскіе* богословы могутъ такъ ошибаться на счетъ значенія автокефальныхъ церквей! Какъ могутъ они забывать свою собственную исторію! Христосъ обѣщаль Своимъ послѣдователямъ, что врата адавы не одолѣютъ Его церковь: что это значитъ? То — что никогда человечество не лишится своей путеводной звѣзды, что свѣтъ Его правды никогда не угаснетъ; но развѣ онъ сказалъ, что этотъ свѣтъ будетъ непременно зажигаться въ Петербургѣ на Сенатской площади или въ московскомъ Кремлѣ. Теперь онъ тамъ, а въ XX столѣтіи можетъ быть будетъ въ Геддо или Пекинѣ. Христосъ не связалъ Себя никакими условіями, ни мѣста, ни времени; объ этомъ мнѣ приходилось говорить не разъ. Что и вполнѣ православная и самая могущественная церковь можетъ впасть въ ересь, это вѣдь многократно было доказано фактами. Какъ впадала въ ересь великая Римская Церковь, такъ можетъ впасть въ нее и всякая другая, напр. Русская. Да такъ, къ несчастію и случилось. Это мнѣ и хотѣлось напомнить моимъ оппонентамъ. Смущенная и обманутая своими іерархами, вся западная, образованнѣйшая половина русской церкви отпала отъ истины и въ продолженіи двухъ вѣковъ была подчинена Риму! Христіанскія церкви могутъ и совершенно погибнуть. Гдѣ великая церковь Кипріана и Августина? Она теперь, правда, возрождается, но лишь какъ данница Рима, того самаго Рима, съ епископомъ коего такъ упорно спорилъ именно Кипріанъ. И теперь вѣдь только одна четверть христіанъ —

православна! Не для того говорю я все это, чтобы умалить значеніе нашей Церкви, — конечно нѣтъ, Боже избави; но для того, чтобы выяснитъ истину, *которой нишей Церкви бояться нечего*. Я по этому поводу поневолѣ должеиь снова остановиться на личныхъ вопросахъ (возбуждаю ихъ не я, а мой оппонентъ!) Разбирая этотъ вопросъ онъ говорить, что я «возмнилъ себя богословомъ». Нѣтъ, я напротивъ всегда утверждалъ противное, многіе богословскіе вопросы мнѣ мало извѣстны; но, думается мнѣ, *я знаю то*, о чемъ я рѣшаюсь писать! Да; я не специалистъ, у меня даже и богословскаго диплома не имѣется, а если я позволяю себѣ съ нѣкоторыми богословами и полемизировать, то лишь по такимъ вопросамъ, которые мнѣ по плечу, да и богословы бываютъ вѣдь различныя. Съ «Русскимъ богословомъ», помѣстившимъ въ *Revue Internat. de Théologie* свои «Thesen ueber das Filioque» я въ полемику не вхожу. Г. Гусевъ говорить (стр. 2), что я усиливаюсь, будто бы, испровергнуть проводимыя имъ основанія въ пользу православнаго ученія (по вопросу о Filioque и о пресуществленіи). Я должеиь *оговориться* и притомъ очень положительно: я не думаю и не думалъ ополчаться противъ православнаго ученія о сихъ вопросахъ, я возстаю противъ ученія о нихъ г-на Гусева, а это не одно и тоже! Я утверждаю лишь одно, именно что какъ слово «пресуществленіе», такъ и ученіе «иже отъ *одного* Отца исходящаго» — предметы частныхъ богословскихъ мнѣній совершенно факультативныхъ, и необязательныхъ, — говорю, что ихъ можно признавать или не признавать, оставаясь православнымъ, не подвергаясь обвиненію въ ереси, обвиненію, у насъ такъ часто и щедро расточаемому.

Ссылаясь на Хомякова, мой почтенный оппонентъ говорить, что для человѣка желающаго выйти изъ Рима, не возвращаясь къ православной церкви, одинъ путь — протестантизмъ. Это несомнѣнно! Но что значить: возвратиться къ православію? Это ничуть не значить (для цѣлой церкви) простое присоединеніе къ одной изъ существующихъ автокефальныхъ православныхъ церквей, не значить принятіе всѣхъ толкованій, богословскихъ мнѣній восточныхъ ученыхъ, всѣхъ нашихъ обрядовъ и обычаевъ, а лишь полное возстановленіе православной западной церкви съ полнымъ возстановленіемъ догматическаго единства и общенія въ таинствахъ, между нею и Востокомъ. Проф. Гусевъ прибавляетъ, что старока-

толики неискренни, говоря о своемъ желаніи воссоединенія съ нами, неискренни, называя нашу церковь «досточтимую» (ehrwürdig), что они позволяютъ себѣ разсуждать съ нею какъ съ равней и даже не довѣряютъ ей... Все это не вѣрно, все это основано на томъ же недоразумѣніи. Старокатолики дѣйствительно позволяютъ себѣ «свое сужденіе имѣть», но гдѣ же тутъ бѣда? Церкви нашей они вполне довѣряютъ (иначе они не искали бы съ ней воссоединенія), а что они не довѣряютъ учености нѣкоторыхъ изъ нашихъ ученыхъ богослововъ,—такъ вѣдь это совсѣмъ иное дѣло.

Въ концѣ своего объемистаго труда проф. Гусевъ говоритъ, что онъ нисколько не врагъ старокатоличества, что онъ искренно желаетъ ему успѣха, что онъ не перестаетъ и не переставалъ сочувствовать лучшимъ его представителямъ. Вѣдь еще не тотъ искренній другъ, продолжаетъ онъ, кто поетъ лишь унисонно и поддерживаетъ ошибки и заблужденія! Конечно; и я вполне готовъ вѣрить, что говоря такимъ образомъ — проф. Гусевъ вполне искрененъ, что онъ вполне добросовѣстно полемизируетъ противъ того, что онъ считаетъ ошибочнымъ; но несомнѣнно также, что почтенный профессоръ видитъ догматическія разности тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ и, хотя *bona fide* — ставитъ преграды къ воссоединенію совершенно произвольно!

А. Кирѣевъ.

Павловскъ.
Іюнь 1899 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки